

Р III 1510634

✓Р

Труды Череповецкого О-ва изучения местного края.

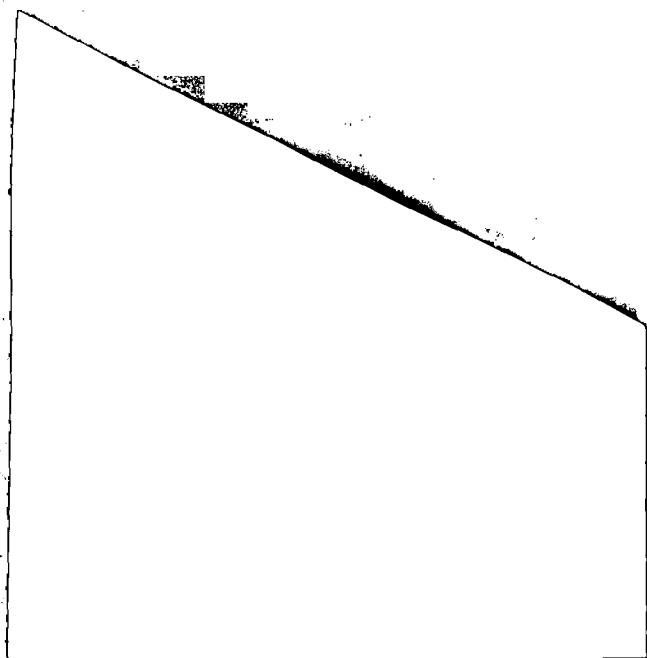
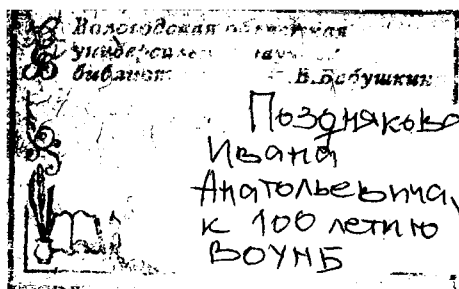
А. К. Виноградов.

ИСТОРИЯ Череповецкого Края.

Гор. БЕЛОЗЕРСК.

Издание Череповецкого О-ва изучения местного края.

Разреш. Черепов. Гублит. № 1496, 13 мая 1925 г. Тираж 2500 экз.
Типография Белозерского Уисполкома.

• Труды Череповецкого Об-ва изучения местного края.

Г. И. Виноградов.

ИСТОРИЯ ЧЕРЕПОВЕЦКОГО КРАЯ.

Гор. Белозерск.

Издание Череповецкого О-ва изучения местного края.

---

2 - 1510634

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

Разреш. Черепов. Гублит № 1496, 13 мая 1925 г. Тираж 2000 экз.
Типография Белозерского Уисполкома.

→ KP → KIVIA

63.3(2)

B48

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящий выпуск по истории Череповецкого Края является лишь частью общего труда, который должен состояться, кроме настоящего, из следующих очерков: смутное время и развитие крепостного права, 19 и начало 20-го века, с Октябрьской революции и до наших дней.

Наиболее жизненное значение будут иметь два последних очерка, но приступить к ним до сих пор не представлялось возможным по причине плохого состояния наших архивов.

Только с окончательным приведением в должный порядок архивов губернии и по сдаче их в губархивохранилище труд этот может быть выполнен более или менее удовлетворительно.

Что касается настоящего очерка, то для характеристики происходивших в исторической жизни нашего края явлений, мы пользовались документами местного значения. Лишь в тех случаях, а это было очень редко, когда местные документы менее ясно отображали тот или иной процесс, мы позволяли себе в качестве иллюстрации приводить документы и не местного значения.

Выдержки из документов приведены нами на старом русском языке, на котором они и написаны, без перевода на современный язык. Но они и по форме и по содержанию вполне доступны пониманию совершенно неподготовленного читателя. Так поступить мы считали более удобным для большей доказательности и убедительности своих положений, и во вторых дать представление о языке, который употреблялся нашими предками в качестве литературного.

Наибольшее внимание обращено мною на экономику описываемого периода. Что касается идеологии того времени, то мы не решились делать экскурс в монастырскую литературу 14 и 15 веков: это слишком большая и непроизводительная работа, т. к. любой учебник истории литературы на страницах своих содержит изложение идеологии русского средневековья. Хотя следовало бы проследить одно идейное течение 15 века, именно, поход, так называемых „нестяжателей“ против монастырского накопления. Центром этого течения был Повеозерский и отчасти Кирилловский монастырь.

В общем же монастырю здесь отведено место как экономическому фактору в аграрных и торговых отношениях и не больше.

Автор.

1. Обзор важнейших событий от 9 до 16 века.

Самые ранние известия о Череповце относятся к 15 столетию. Из грамот Верейского князя Михаила Андреевича мы узнаем о „лесе Череповси“, а также о Череповецком Воскресенском монастыре.

Так в грамоте 1449 года Михаил Андреевич пишет: „По отца своего грамоте князя Андрея Дмитриевича се аз князь Михайло Андреевич пожаловал есмь монастырь в Череповси Святого Воскресения“¹⁾.

Одним словом, начало грамоты указывает на существующий монастырь, которому князем Верейским были даны некоторые привелегии, подтверждаемые настоящей грамотой.

В истории местного края Череповец, как административный центр, возник лишь в 18 столетии.

Вот что повествует нам историк Воскресенского монастыря об основании г. Череповца: „В 1780 году в Генваре по указу императрицы Екатерины II-й подмонастырняя слобода и от монастыря к Северу в одной версте находящееся село Федосьево обращены в уездной Новгородской губернии город, под названием Череповец“²⁾.

До 1780 года Череповец скромный монастырский пункт, не имевший в жизни края серьезного экономического значения. Это лишь центр Череповецкой Монастырской волости Белозерского уезда, часть владения Митрополита „всая Русь“.

Меж тем история Череповецкого края гораздо древнее истории его административного центра, гор. Череповца.

Настоящие географические границы Череповецкой губернии проходят по некоторым из бывших владений Великого Новгорода и включают в себе древний Белозерский край или как звали в старину „Белоозеро“.

Так Устюженский уезд входил в состав Бежецкой пятины, а Тихвинский—Обонежской Пятины Великого Новгорода. Древний же Белозерский край составляют нынешние уезды Кирилловский, Белозерский, Череповецкий полностью и части Пошехонского и Каргопольского уездов. Экономическое значение края в древности, как и в настоящее время, определялось, главным образом, системою его рек.

Речные системы Мологи и Шексны, сближая Балтийское и Белое моря с Волгою служили удобными торговыми и военными путями из Новгорода и Суздальской земли на Север, в Заволочье (бассейн Сухоны и Северной Двины).

Новгородский путь мог идти или по нынешней Тихвинской или Мариинской речным системам. Вероятно, первым и наиболее древним путем Новгородцев был Тихвинский путь по рекам Сяси, Тихвинке, Чагодоши, Мологе и Шексне.

Перечисленные реки являлись древней границей Славянских и финских племен.

Река Молога можно сказать врезается в коренные Новгородские владения, и здесь, на этой реке, находились опорные пункты Великого Нов-

1) История Русской Иерар. т. VI.

2) Тамже, или Петров. История Черепов. Воскресенского монастыря.

города, тщательно перечисляемые в договорных грамотах Новгородцев с удельными князьями: „А се, княже, волости Новгородской: „Волок со всеми волостымы, Торжок, Бежице, Палиц городец, Мелача, Шипино, Егна“ ¹⁾.

Последняя волость (нынешний Весегонск) могла служить отравным пунктом Молого-Шекснинского Новгородского пути.

Моложская дорога, по нашему мнению, единственный путь для Новгородских хождений в Заволочье. Мариинским водным путем они пользуются позднее, когда Суздале-Владимирские князья укрепляются в нижнем течении реки Мологи.

Каким бы путем Новгородцы не ходили в Заволочье, они неизбежно приходили к важнейшему пункту этих путей, там где река Порозовица сближается с рекой Шексней, на Волок Славенский. (Ныне Волокославинская волость Кирилловского у.), здесь суда Новгородские из реки Шексны перевозакивались в притоки Кубенского озера для дальнейшего следования в бассейн Белого моря.

Для Новгородцев водные пути Череповецкой губернии имели исключительно транзитное и военное значение, для проникновения в богатое пушниной Заволочье. По этим путям они свозили собранную с Заволчан меховую дань и перебрасывали свои войска для усмирения взбунтовавшихся заволочских жителей.

Иной дороги у них в Заволочье не было, поэтому они ходят по ней и тогда, когда Белоозеро окончательно было закреплено за Суздалем. В новгородской летописи сказано: „В лето 6677 (1169) ходил из Новгорода Даньслав Лазутич на Двину дани имать, в 500 мужев, сретоши Суздальц на Белоозере в 7000 мужев и бишася, и паде Суздальц 1000 и 300, а Новгородцев 15 мужев, и взяше на заволоченех дань и на Суздальских смердох“ ²⁾.

Приведенный пример из Новгородской летописи наиболее убедительно говорит о неизбежности следования Новгородских военных и торговых судов именно через Белоозеро, при чем это следование не всегда носило мирный характер.

Суздале-Ростовский водный путь начинался от Ростовского озера и шел через реку Которость и Волгу в Шексну. Получалась одна сплошная водная нить, вытянутая в северном направлении. Конечным северным пунктом этого пути был город Белозерск.

И суздальцы стремились, разумеется в Заволочье, если не дани имать, то для торговли, но сам по себе Белозерско-Шекснинский край в отношении Суздальских жителей играл очень важную роль. Для Владимиро-Суздальского княжества, а позднее для Москвы Белозерский край имеет то же значение, что Астрахань, скажем, для современной России. Обилие рыбы самых ценных пород привлекали сюда Суздальцев для эксплуатации этих богатств, этого единственного для них наиболее близкого и наиболее доступного для эксплуатации рыбо-промышленного пункта.

И в последующее время—в 14 и 15 веках—Белозерское рыболовство предмет особых забот Московских великих князей. В духовных завеща-

1) Собрание Госуд. грамот и актов т. I.

2) Новгор. летописи.

ниях их указывается на основной источник богатства Шекснинских волостей, именно рыболовство.

Так великая княгиня София (жена Василия Дмитриевича) о Шекснинских волостях завещает: „А за Волгою, на Шекстне, даю сыну своему, Великому Князю, свои волости Усть-Углу да стан Веретейку со всеми деревнями и с езы своими с всеми и со всею рыбною ловлею“. ¹⁾

Летописные сведения говорят нам, что в 9 веке край наш был населен Финским племенем Весь.

„А первии насельници в Новгороде Словене, Полстьеше Кривичи, в Ростове Моря, а в Белозере Весь“. Что племя веси не славянского, а финского происхождения, видно из того, что летописец упоминает его в числе тех неславянских племен, которые „Суть свой язык имуще, от колена Афетова, иже живуще в странах полуночных“.

Политическим и экономическим центром племени был гор. Белозерск, но, несомненно, Весь расселилась по всему течению Шексны до Волги, по южному и среднему течению реки Мологи, а также в междуречьи Шексны и Мологи, на что указывают географические названия Череповесь, Луковесь, Арбужевесь, Весь-Егонск, или как раньше и звали Весь-Егонская.

Уже в 9 веке племя Весь находится в политической зависимости от славян Великого Новгорода. Летописец, перечисляя финские племена „иже дань дают Руси“ упоминает в числе их и Весь.

Но факты сообщаемые летописцем о призвании первых князей говорят нам скорей о политической самостоятельности Белоозера, чем о подчинении. Так племя Весь участвует наравне с Новгородцами в призвании первых князей. „Реша Руси Чудь, Словени и Кривичи и Вси“, обратиться к варягам: „да поидите княжить и володеть нами“ ²⁾.

Кажущееся противоречие приведенных мест в летописи можно объяснить допущением, что не все племя Весь было подчинено и платило дань Новгородским славянам, а только часть его, поселенная на Мологе, которая и вошла в последствии в состав коренных Новгородских владений под именем волости Егны.

Варяжское призвание по существу было завоеванием севера России а не мирным пришествием. Это лишь развитие того положения, о котором сообщает летописец: „В лето 6367 (859) имаху дань варяги из Заморья на Чуди и на словенах и на Мери и на Всех“ (Веси), ³⁾ т. е. на тех племенах, которые через три года добровольно призывают варягов.

Первоначально, по отношению к завоевателям все славянские и финские племена выступают, как самостоятельные политические единицы, независимо друг от друга и равноправно и даже без взаимной между собою связи. Это значит, что завоевание одного пункта не обязательно влекло завоевание других экономических и административных центров. Эти центры варяги захватывают постепенно, по степени их важности и возможности быстрого их подчинения. Об этом и повествует летописец, когда говорит о расселении первых князей и что один из первых князей Синеус поселился на Белоозере.

1), Собрание Государ. Грам и договоров I.

2) Лаврентьевская летопись.

3) Лавр Лет.

Но Варяжское завоевание несомненно положило начало организации Варяго-славянско-финского государства. Для нового государственного организма варяги играли роль связующей силы, под влиянием которой начался процесс объединения севера России, сначала около политического центра Великого Новгорода, а позднее около других центров.

Летопись изображает начальный момент этого процесса и ход его последующего развития, в результате которого племя Весь бесследно исчезает, растворяется в славянских и финских племенах.

Любопытно, что как этническая единица, племя Весь из поля зрения летописца исчезает на протяжении первого полустолетия нашей истории. Первоначально теряется политическая независимость племени: „По двою же лету Синеус умре и брат его Трувор; и прия власть Рюрик и раздая мужем свои грады: овому Полотеск, овому Ростов, другому Белоозеро“¹⁾.

Затем еще только один раз упоминается Весь в походе Олега из Новгорода на Киев: „Поиде Олег поим воя многи, варяги, Чудь, славени, мерю, Весь, Кривичи“²⁾.

В последующих событиях Весь как будто не участвует: Нет ее в походе Олега на греков. Перечисляя племена великой „Скуфи“, участвовавшие в Царьградском походе Олега, летописец не называет среди них Веси. Не упоминается это племя и в фактах мирной деятельности Олега. „Се же Олег начи города ставити, и установи дани Словеном, Кривичем и Мери“ . . .³⁾.

Для Киевского князя Олега Белозерский край и его население не самостоятельная политическая единица, а лишь часть Новгородских или Ростовских владений. Только вопрос каких?.

Есть основание полагать, что Белозерский край с перенесением политического центра из Новгорода в Киев сливается не с Великим Новгородом, а с Ростовом. Почему то Киевский князь Олег придает большое значение не Новгороду, а Ростову. Значение русских городов выявляется в вопросе о греческой дани. „И заповеда Олег“ . . . потом даяти уклады на Русскыи грады: первое на Киев, таможе на Чернигов, на Переяславль, на Полтеск (Полоцк), на Ростов и Любеч и на прочие города“⁴⁾.

В отношении получения греческой дани Ростов признается первоградным городом древней Руси, меж тем как Новгород именуется вместе с „прочия города“, хотя несомненно, Новгородцы, или как их зовет летописец—„Словени“ участвовали, как и Ростовцы, в походе Олега на греков.

Принимая во внимание значение Ростова, военное или экономическое, сейчас выяснить трудно, мы можем предположить с большой степенью достоверности, что и ближайший к нему пункт Белозерск становится в такую же зависимость, как, скажем „Новая Ладога“, Изборск к Великому Новгороду.

Эта зависимость Белоозера от Ростова вполне очевидной становится в факте войны Владимира святого с Ярополком. Как известно, в войне с Ярополком Владимир Святой опирается главным образом на Новгород: „Володимер собра воя многи Варяги и словени, Чуд и Кривичи“,⁵⁾ но не единым словом летописец не упоминает об участии Ростовской области т. е. финского племени Мери, а вместе с Ростовом не участвует и Бело-

1) Лавр. Лет. 2) Тоже. 3) Тоже. 4) Тоже. 5) Тоже.

озеро, след. и племя Весь, что объясняется вполне взаимной связностью и зависимостью Ростова и Белозерска. Упорное замалчивание летописцем военной доблести наших предков и их полнейший индифферентизм к важнейшим политическим событиям того времени можно объяснить, если предположить не только потерю политической самостоятельности, но и полное слияние этническое с более сильными соседями, как славянскими, так и финскими племенами.

Процесс этот начался задолго, разумеется, до варяжского завоевания так что в 9 и 10 веках мы наблюдаем его завершение, и наблюдаем как из поля зрения летописца исчезают финские племена — сначала весь, затем меря, так что к 11 веку мы для Ростовского и Белозерского края имеем однородное славяно-финское население, с одним славянским языком, правами, обычаями и культом. Перед нами факт образования на территории Ростова-Белоозера великорусского племени.

Позднейшие события подтверждают наши предположения. Под 1071 годом у летописца записан интересный факт из жизни Ростово-Белозерского края.

„Бывши бо единою скудости¹⁾ в Ростовской области“²⁾ появились два волхва и говорили, что они знают, кто обилье (урожай) держат т. е. кто причина неурожая. Волхвы шли по Волге и по Шексне. Приходя в погосты, они называли наиболее зажиточных женщин, указывая на них, как на причину неурожая.

Названных ими женщин приводили к волхвам. Последние же, делая вид, что из женщин вынимают то жито, то мед, то меха и „убиваша многи жены именье их отнимашета себе“.³⁾ Когда волхвы пришли в Белозерск, около них собралось 300 последователей.

Случилось же тогда придти дружиннику Переяславского князя Яну Вышатину для сбора с Белозерцев княжеской дани. Узнав от Белозерцев о действиях волхвов и о том, что волхвы-смерды князя Переяславского Святослава, Ян решил арестовать волхвов, как преступников.

Он хотел лично арестовать волхвов и отправился для этой цели в сопровождении небольшого отряда и священника. Но окружавшая волхвов толпа не допустила ареста и даже „убиша ту попину Янева“. Ян тогда пригрозил Белозерцам: „Аще не имете волхву сею, не иду от Вас и за лето“.⁴⁾

На утро Белозерцы привели волхвов и передали их в распоряжение Яна.

Весь приведенный рассказ о волхвах лишен специфического националистического оттенка, свойственного первым летописным рассказом. Действие происходит не среди финских племен Веси и Мери, а в одной из волостей Переяславского князя, причем население Ростовской волости ничем существенно не отличается от населения прочих волостей того княжества. Летописец просто указывает не на племенной состав населения, а на классовый, что возможно, повторяем, при условии полного тождества населения Ростова и Переяславля.

1) Неурожайный год.

2) Лавр. лет.

3) Тоже.

4) Тоже.

Из этого же рассказа, а затем несколько позднее свидетельство Новгородской летописи, приведенное нами в настоящем очерке, говорит нам, что подавляющая масса Белозерского края—смерды. Характерным для смерда является его место жительства—погост.

„А кто купец, тот в сто, а кто смерд, а тот потягнет в свой погост“ (Новгород. догов. грам. 1270 г.¹).

Как волхвы, так и окружающая их масса населения в погостах смерды. И Ян задает, видимо, обычный для насельников края вопрос: о волхвах „Чья еста смерда“, т. е. не предполагая среди Белозерцев присутствия элементов, принадлежащих к другим классам населения. И Даныслав Лазутича не называет других плательщиков дани, как только Суздальских смердов.

Кто же такие смерды. Смерды свободные поселенцы, подчиненные в судебном отношении князю, или владельцу земли, на которой он жил. Права смерда становятся ясными в факте ареста волхвов.

Ян Выштин не может арестовать чужого смерда, не принадлежащего Переяславскому князю, но не может и судить, как княжеский наместник, арестованного смерда. Лишенный свободы смерд имел право требовать суда князя, а не его наместников.

Вероятно, отношения смердов к владельцам земли не ограничиваются лишь устанавливаемой князем данью, хотя строгой подчиненности населения к князю не видно. Наместник князя не может заставить население арестовывать преступников, но зато может ударить население по карману, пригрозив долгой стоянкой, что видимо, сопряжено для населения с выполнением некоторых натуральных повинностей, как то прокорм наместника и его дружины.

Памятью о древних насельниках края у нас остались географические названия: р. Смерда, приток реки Ковжи, Смердлево большое и малое Черепов. уезда и Смердомля Устюженского уезда.

В этом же летописном рассказе, по нашему мнению, содержится указание на классовую дифференциацию населения, именно в фактах указаний на „лучшие жены“, понимая слово лучшие в смысле зажиточные.

А массовое убийство „лучших“ нельзя объяснить лишь особенностями языческого ритуала—здесь безусловно на лицо обострившиеся противоречия в имущественном отношении большинства населения края с „лучшими“.

Весь летописный рассказ—яркая картина быта и культуры наших предков. Основное занятие жителей Белоозера—земледелие, ибо факты неурожая вызывает среди них смятение и массовое убийство виновниц бедствия.

Но такое массовое действие под влиянием наступившего бедствия должно было соответствовать их правам, обычаям, их идеологии.

Определенно и ясно представить идеологию древнего населения трудно за скудностью летописных сведений, но несомненно, что в 11 столетии Белозерцы находились еще в переходном полухристианском, полужыческом состоянии. Космогония арестованных волхвов и ритуал убийства жен, содержат в одинаковой степени элементы христианства и язычества.

В споре Яна и волхвов последние там излагают свои религиозные убеждения: „Бог мывся в Мовницы и вспотився, отерся вем тем и верже с

1) Собрание Г'осуд. Грамотадогов. т. I.

небесе на землю; и расприся сотвори с богом, кому в нем сотворити человека, и сотвори диавол человека, а бог душу в не вложи, тако же аще умрет человек, в землю идет тело, а душа к богу¹⁾).

Это безусловно взято волхвами от христианства. Элементы язычества содержатся в последующих их обращениях не к богу а к богам, а затем и в ритуале убийства женщин.

Природа нашего христианства также определяется из столкновения язычников волхвов и христианина Яна Вышатина. В то время, как христианство усваивалось высшими классами Киевского общества, масса населения жила своей религиозной жизнью, была враждебна религии господ, шла за волхвами — смердами князя и убивала официальных служителей церкви — „Попичу Яня“.

Но и господ христианская религия не обязывала быть морально выше окружающего населения. Наоборот, радением о вере можно было прикрыть самую жестокую расправу с бунтующим смердом.

И будущий инок Киево-Печерского монастыря, друг летописца Нестора (см. т. I. Ключевского) Ян Выштин подвергает пойманных волхвов самым жестоким и позорным пыткам и издевательствам, как то — впикивает в рот обрубки дерева, бьет и клещами вырывает бороду арестованных и, надругавшись основательно, приказывает убить. А чтобы убийство не носило характера убийства без суда, арестованных отдают на расправу родственникам убитых женщин.

Таковы наши предки в 11 столетии

Важнейшие события удельного периода, как то татарское нашествие, с неизбежным погромом населения, борьба с западными соседями, не задела Череповецкий край. (Одно место летописи подтверждает, что татары не заинтересовались долиною реки Шексны, а после взятия разгрома Ярославля и битвы на реке Сити проследовали в направленный на Запад к Новгороду). „Епископ же Кирилл идя с Белоозера и пришед на место, иде же князь убит Юрий“,²⁾ т. е. на реку Сить.

Это и могло случиться если Епископ Кирилл в своем следовании вниз по Шексне не встретил татарских огрядов. С другой стороны и татары не стремятся завоевать бассейн Шексны и Белое озеро, очевидно, имея в виду бедность и пустынность края.

В дальнейшем на территории нынешней Череповецкой губернии появляется Белозерское Удельное Княжество. Родовая ветвь Белозерских князей берет начало от князей Ростово-Суздальских, потомков Всеволода III, и дает побочные ветви князей Судских, Андогских, Шелешнальских, Вадбальских, Кемских и других, фамилии которых произошли от географических названий волостей Белозерского края.

Территория княжества включала в себе Белозерский и Череповецкий уезды полностью, западную часть Кирилловского и северную часть Устюженского уезда.

История умалчивает о деятельности Белозерских князей и княжат, деятельность их, надо полагать, была мирная. Быть может в семейных хрониках перечисленных нами княжеских фамилий имеются сведения и о гром-

1) Лавр. лет.

2) Тоже.

ких деяниях, но населению громкие деяния неизвестны; лишь названия деревень „Княжье“, „Князево“, „Княжево“ являются слабым воспоминанием об их старинных владельцах. Это были самые обыкновенные помещики, владельцы небольших вотчин и поместий и только.

С 14 века политическая жизнь Белозерского княжества определяется спором Москвы с Великим Новгородом.

Медленно, твердой поступью идет Москва по Шексне, не как только завоеватель, а как мирный строитель, организатор, с целой системой своей администрации.

Татарское нашествие выбросило из Центральной России массу населения на окраины, каковым тогда и являлся Белозерский край. Население в поисках более спокойных от военных распри мест шло по Шексне и Мологе, как по одному из многочисленных на Руси колонизационных путей.

Пустынный в то время бассейн Шексны с обилием годных для разработки и хлебопашества земельных участков, с богатыми рыбными ловлями, мог и сам по себе привлекать колонистов.

В 14 веке Шексна и Молога оживляются слободками, селами и деревнями. Эти неселения возникли на землях вышеупомянутых князей и их служилых людей. А к 14 веку здесь установились сложная феодальная система и появились монастыри: Кириллово-Белозерский, Новозерский, и Воскресенский-Череповецкий.

В духовных грамотах великих князей Московских имеются сведения о Белозерских, Шекснинских и Мологских пунктах нашего края.

Впервые Белоозеро упоминается в духовном завещании Дмитрия Донского: „А сына своего князя Андрея благословляю куплею деда своего, Белым озером со всеми волостями и Вольским и Шаготью и Милолюбский озерами и слободками, что была детей моих“. ¹⁾ Последние названные волости Андрей Дмитриевич должен был отдать во опричное владение своей матери.

Духовное завещание Донского дает основание к заключению, что Белое озеро и Шекснинский бассейн были куплены Иваном Калитой. Меж тем в духовных завещаниях Калиты, Семена Гордого, Ивана II,—предшественников Донского нет никаких указаний на куплю Белоозера или хотя бы на предварительную сделку, как говорят на запродажу нет.

Карамзин полагает, что покупка Бела-озера не влекла изъятия владений от прежних владельцев, и только Дмитрий Иванович осуществил фактический переход имущества в свое владение.

Была ли это действительно „купля“ деда своего, или обычный военный захват—„примысл“ Московского великого князя—по летописным данным судить трудно, но и в мирном приобретении можно до некоторой степени сомневаться.

По летописным сведениям, князья Белозерские Роман и Федор участвуют в походе Дмитрия на Тверь в 1375 году, Белозерская рать упоминается и в походе Дмитрия на Новгород в 1386 году, и, наконец, в описании Мамаева побоища в числе погибших названы Федор и Иван Белозерские.

---

1) Собр. Гос. грам. и дог. т. I.

По последний Белозерский князь, очевидно, сын погибшего на Куликовом поле князя Ивана, Константин Иванович Белозерский поселяется в 1393 году в Новгороде. „В лето 6901 (1393 года) приехал в Новгород Константин Иванович Белозерский и прияша его“¹⁾ Князь Константин Иванович становится в Новгороде одним из виднейших противников Москвы, командует Новгородскими полками в войне последних с Василием Дмитриевичем.

Видимо; что последний из Белозерских князей не считает справедливым толкование о „дедовой купле“, и в 1393 году по „дедовой купле“, а по своей бывшей отчине с Новгородской ратью проходит огнем и мечем, да еще и как:

„И Новгородцы, охвачая рать“, выехала на князьи волости, воевать, а с ними два князя Роман Литовский и Константины Иванович Белозерский и взяша Кличень и городок и Устюжно“²⁾. Затем Новгородцы направились к Устюгу Великому. Здесь они: „взяша град Устюг и огнем пожгоша и церковь соборную разграбиша много кузни (казны), злата и серебра поймаша, и иконы обобраша и стояша ту месяц воюющеи люде из лесов выводяще мучаху и вся имения их, кто где не похоронил поймаша, и вся волости и села пусты сотвориша, людие те же и скот и все зажитие нопроводиша на низ по Дивне“³⁾ Затем Новгородская рать возвращается в наш край и, „также тогда и Белоозеро град и села и волости повоеваша и сотвориша ему, яко Устюгу“⁴⁾ Летописец прибавляет „и много пакости бысть хрестьяном от Новгородской рати, князьим волостем, и полону много приведоша в Новгород мужь, жен и детей“⁵⁾

Эти пакости, но уже в значительно меньшей степени позволили себе Новгородцы в 1398 году, когда „ходиша Новгородцы в Волок ратью... и повоеваша Белозерские волости и с города взяша откуп в 60 руб.“⁶⁾

„Пакости“ Новгородцев должны были тяжело отразиться на экономическом благосостоянии края. Тем более, что за несколько десятков лет до описываемых событий население испытывало не менее страшное, чем война, бедствие—моровую язву, чуму. Чума была занесена с низовьев Волги в г. Н. Новгород. „В лето 6872 бысть мор велик в Новгороде в Нижнем“⁷⁾

Мор перебросился к Переяславлю, Ростову, Владимиру и Москве и принял огромные размеры: „В Переяславле на день умираше человек 20 или 30, иногда же 60 или 70, а иногда и 100 и более“⁸⁾

О характере болезни летописец сообщает следующее: „Болезнь же бе сице: прежде яко рогатиною ударит за лопатку или под груди, или меж крыл, и тако разболеся человек начнет кровию харкати и огонь разжет, и потом пот, та же дрожь, и полежава один день или два, а редко того кой 3 дня, и тако умираху“⁹⁾

Другие, сообщает летописец: „железою умираху“. По железа не у всякого появлялась в одном определенном месте на теле, а, овому на шее, а иному под скулою, а иному под пазухою“...¹⁰⁾

1) Новгород. лет.

2) Тоже.

3) Воскресенская лет.

4) тоже.

5) тоже.

6) Софийская летоп.

7) тоже.

8) тоже.

9) тоже.

10) тоже.

Последствия эпидемии „черной смерти“—были ужасны. Картина рисуется летописцем такая: „по всем странам и градом бысть мор велик и страшен, не успеваху бо живии мертвых спрятывать, везде бо бе мертвии: в градах и весех, в домах и у церквей, и бо туги и скорби и плач неутешный: мало бо бе живых, но все мертвии, и погребяху же во едину яму 5 или 6 мертвых, а иногда и 10 и более, а дворы мнози пуста быша, в иных един остался или два, ли женск. пол, или мужеск., или отроча мало“. ¹⁾

Мы привели подробную выписку из Воскресенской летописи, чтобы представить себя ясно картину народного бедствия. Ужасы описываемые летописцем происходили и на территории нынешней Череповецкой губернии. От чумы вымерло поголовно все население города Белозерска. Новые насельники не решились поселиться в зачумленном городе и построили новый город в 17 верстах от старого.

Моровое бедствие угнетающе действовало на психику населения, которое видело в происходящем действие высшей силы: „сия казнь послана от Бога на людей“. ²⁾ Под влиянием несчастья и в убеждении, что бедствие послано богом за грехи людей, многие начали помышлять и о спасении души: „да сего ради мнози идуху в монастыри, мужи и жены, и постригахуся в монашеский чин“. Оставшиеся в домах готовились „на душевный исход, и о душах своих печалующеся, имение свое отдающе в милостыню церквам и монастырем“... или кормили вдов и сирот, убогих.

В результате, мы видим количественный рост монастырей в России, проникновение монастырей далеко на север и обогащение монастырей, ибо „многие от богатства села дают церквам святым и монастырем, дружим в озере ловиша и сады, или ино что от имений своих дающе“. ³⁾

Мор и двукратное Новгородское нашествие, перед которым как мы видим, бледнеют события революционной гражданской войны нашего времени, в корне должны были подорвать экономическое благосостояние края, усилить зависимость его жителей от монастырей и помещиков.

Деревни и города заустели и обеднели. Медленно сглаживались последствия военных и эпидемических бедствий. Лишь через 90 лет город Белозерск оправляется настолько, что мог выстроить новые стены вокруг города.

Так всем нам известный Белозерский вал был построен, как свидетельствует летопись в 1487 г. (в лето 6995, того же лета город заложен Белоозеро), ⁴⁾ т. е. через сто лет после морового бедствия.

Несмотря на разорение края, Москва упорно и цепко держится за Белозерские волости. Столкновение между аграрным и муниципальным феодализмом кончается не в пользу последнего: Москва победила продвигаясь и на север и на запад.

Новгородская „охвачая“ рать могла делать опустошительные набеги, но прочно на Белоозере Новгородцы утвердиться не могли.

Война Новгородцев с Москвою (1395—98) окончилась для Новгорода неудачно. Новгородцы должны были помириться, как тогда выражались „на всей воле“ Московского князя Василия Дмитриевича.

1) Софийская летоп.

2) Новгородская летоп. 4-я.

3) То же.

4) Воскресенская летоп.

Чем же об'ясняется настойчивое продвиж. Москвы по Шексне и Мологе?

Обе реки для Москвы имели чрезвычайно важное значение. Шексна связывала Москву с богатейшей Новгородской Колонией — Завологьем и Белозерский край является опорным пунктом Московского княжества в завоевании бассейна Северной Двины.

Река Молога, проникая в так называемый Бежецкий верх открывала Москве дорогу в коренные владения Новгорода — Бежецкую и Деревскую пятины: с приобретением долины реки Мологи для Москвы создавалось командное положение и в отношении второго упорного врага Москвы — Твери.

Опорными пунктами для Москвы на Мологе служили городки Молога и Устюжна, которая впервые упоминается в 1341 году. В этом году „ходили Новгородцы на Устюжну и повоеваша и град пожегше возвратишася“.¹⁾ По Устюженцы оправились от неожиданного нападения Новгородских ушуйников, в свою очередь напали на них и „полон от'яща и товар свой“.²⁾

Несмотря на то, что Устюжна названа в летописи градом, она не является еще административным центром. Это вновь возникший городок, не имеющий еще и для края и для Москвы серьезного экономического и политического значения.

Косвенное подтверждение этому положению мы находим в летописи. Летописец обычно перечисляет состав Московского ополчения по ратам. Название рати дается по тому городу, или уезду, население которых составило данное ополчение. В двух походах Дмитрия Донского Устюженское ополчение не называется, меж тем соседние и ближние к Устюжне города упомянуты: Моложская, Бежецкая, Белозерская рать.

Затем, в списке русских городов (список приложен к Воскресенской летописи) Устюжна не названа.

Упоминаются там: „на Белоозере два городка“, „на Мологе Городец“, как города „залесские“, но Устюжна в этом списке не помещена.

Список перечисляет, несомненно, города 14-го столетия, т. к. там о Москве говорится, что „город Каменный“.

В духовном завещании Ивана III указывается и на административную принадлежность Устюжны к городу Угличу „да благословляю сына своего Дмитрия, даю ему город Углич поле с волостями, и с путями и с селами и со всеми пошлинами, и с Устюжною и с Рожаловым и с Велетовым, и с Кистьюмою, и со всем тем, что к Угличу и к тем волостем потягло“.³⁾ Устюжна, следовательно, еще и в начале 16-го столетия лишь волость в Угличском уезде.

Прим. Ред.: С. Б. Крылов в ст. „к истории Устюжны“ читаем: „Устюжна уже в XIV веке тяготеет к Москве, являясь сначала одним из городов Угличского княжества, а затем одним из крайних пунктов в тянувшихся с юга на север владениях московских князей. Устюжна стоит „под рукою“ Москвы в ее борьбе за первенство России с Тверью, с Новгородом, владения которого близко подходят к Устюжне и обнимают всю северо-западную часть нынешнего Устюжнского уезда“.

1) Софийская летопись.

2) То же.

3) Собр. Гос. грам. и дог. т. I.

2) Прим. Редакции: автору не были известны исследования С. Б. Крылова, который в ст. „к истории 1. Устюжны“ (1922 г. рукопись не напечатана) ссылается на Угличские летописи, относящие существование Устюга железного до 1283 или 1285 г.

Окончательно Белозерско-Шекснинский бассейн закрепляется за Московским великим князем лишь при Иване III.

Духовные завещания Московских собирателей дают нам представление об укреплении здесь Москвы и вместе с тем о колонизации края.

Дмитрий Донской передает Белоозеро в удельное владение сыну своему Андрею Дмитриевичу, князю Верейскому, и, как удельное княжество Белоозеро уже не упоминается в духовном завещании Василия Дмитриевича Донского.

Договором Василия Дмитриевича Темного и князя Верейского Михаила Андреевича Белозерский край закреплен был за Михаилом Андреевичем. Но Василию Васильевичу принадлежало здесь значительное число пунктов: Луковец, Арбужевец, Усть-Угла, Стан Веретейка, Устье Шексны и др., так называемые опричные владения великих князей Московских, которые и перешли по духовному завещанию Василию Васильевичу от матери его Софии Витовтны.

В междоусобных войнах Василия Темного, Дмитрия Косого и Дмитрия Шемяки решающим моментом было выступление Кириллово-Белозерского монастыря.

Победитель Темного Шемяка собрал в Угличе „Епископы всей земли и честные игумены и пресвитеры“. Целью Церковного Собора было „укрепить“ Василия Васильевича крестным целованием т. е. взять клятву с Василия Васильевича в прекращении междоусобия, что последний признает себя виновным в этом междоусобии.

На соборе Василий Васильевич действительно признал себя виновным, каялся в преступлениях против крестного целования, плакал, „слезами текущим от очию его, якоже быстринам“. ¹⁾

Василий Васильевич уверял Шемяку и Собор, что он Темный, за свои преступления „достойн семь главные казни“.

И Собор и Шемяка поверили „искреннему“ раскаянию Московского князя.

После обычного крестного целования, а затем и „великого пира“ Василий Васильевич был отправлен в Вологду, в качестве удельного Вологодского князя.

Но хитрый Москвич не мог примириться с участью окончить дни свои в Вологодской глуши. Он деятельно готовился к новой борьбе за власть.

Препятствием служило крестное целование перед Собором, нарушить которое ему было неудобно, так как нарушением клятвы, данной целому Собору Иерархов, он мог оттолкнуть многих своих сторонников. Помогли ему Кирилловские монахи.

В 1453 году Василий Васильевич отправился на богомолье в Кирилловский монастырь под предлогом: „тамо сущую братию накормити и милостыню дати“. ²⁾

Милостыня Московского князя оказала на братию Кирилловского монастыря интересное действие: она вдохновила их идти против решения Угличского Собора.

„Игумен же Трифон со всею братиею благословил великого князя и с его детьми на великое княжение, а ркучи так: „тот грех на мне и на

моей братии головах, что еси целовал крест и крепость давал князю Дмитрию; и поди Государь с Богом и с своею правдою на великое княжение, на свою вотчину на Москву, а мы за тебя Государя Бога молим и благословляем. Несть бо льзе таковому государю таковой дальней земле заточену быти“¹⁾

Формула перехода к военным делам была найдена, а последствия сказались весьма скоро: сторонники Василия Васильевича могли теперь с спокойной совестью защищать интересы своего князя, да кроме того и „люди многи к нему притекали“.

В истории Русской церкви произошел интересный случай, когда мнение монастыря восторжествовало над мнением Собора.

Как расценивался этот прецедент современниками Темного Иерархии Русской церкви с моральной стороны, мы не знаем, а судя по летописцу и тону летописи, передающему данное событие, отношение к выступлению Кирилловского монастыря можно сказать сочувственным.

Для нас прецедент имеет значение, как образец, земных дел Русского монастыря и трогательного единения князей Московских и монастырей.

К 15-му столетию Шекснинско-Болозерский край становится экономически ценной единицей. Поэтому и усиливается стремление Московского Правительства закрепить за собою Белоозеро, уничтожив здесь удельную независимость.

Под несомненным и сильным давлением Москвы у последнего удельного князя Михаила Андреевича Верейского, вынуждено было согласие завещать Белоозерский удел великому князю Московскому Ивану III.

Это согласие мы находим в договорной грамоте Ивана III и Михаила Андреевича, где говорится: „а после своего живота ту свою отчину Белоозеро дал еси мне великому князю“²⁾.

Действительно, духовное завещание Михаила Андреевича содержит обусловленный договором пункт передачи Белоозера Москве:

„Яз благословил дал есмь ми ту свою вотчину Белоозеро своему господину и государю Великому князю Ивану Васильевичу Всея Руси при своем животе и с волостями, и с путями, и с селы, и с слободками и со всем, что к Белоозеру из старины потягало, и своими прикуны и со всеми пошлинами, как было за мною“³⁾.

Из передаваемых Михаилом Андреевичем земель, были выделены и завещаны Кирилловскому монастырю „в Надпорожье село Никольское с деревнями“, Мартемьяновскому монастырю „село Липник и Мароозеро“ и „пожаловал Александра Андогжского, дал еси ему на Беле Озере а куплю Севесь старую да Кенсуй да Озерко“, при чем Великий князь Московский имел право закупать у монастырей и князя Александра Андогжского завещанные Михаилом Андреевичем села.

В общем и целом с 1486 года Белоозеро прочно входит в состав Московского княжества, как отчина великого князя Московского.

1) Воскр. летоц.

2) Собрание Госуд. Грам. и договор. т. I

3) „Тоже.“

II.

Административное устройство и население в 13, 14 и 15 веках.

Если в ранних летописных известиях о Череповецком крае упоминается погост, как обычный тип поселка.—в 14 и 15 веке мы можем наблюдать значительно дифференцированное население и различные по своему значению поселения: села, деревни, слободки, починок соответствующие нашим хуторам.

В центре края административным, политическим и экономическим пунктом является Белозерск. Остальные селения распределяются по волостям, составлявшим в своей сумме Белозерский уезд.

Нет возможности по имеющимся в нашем распоряжении данным установить количество волостей Белозерского уезда, их населенность, экономическое значение, а также и историю их образования.

Также невозможно установить и границы Белозерского уезда и его составлявших административных единиц.

Обычно принадлежность к уезду и волости определялось таким термином: „что и чему (тому) потягало“, т. е., что было связано земельно общинными интересами или торгово-промышленными.

В административное деление входила не вся территория края, а лишь расчищенная и распаханная земля: „куда топор и соха и коса ходили“.

Если мы примем во внимание колонизационное движение 13, 14 и 15 веков, нам станет понятной случайность и неопределенность волостных границ. Население врубалось в леса Череповецкой губернии, двигаясь главным образом долинами рек, и расселялось отдельными, не связанными друг с другом группами—кустами. Следом шла Московская власть, организуя расселившееся население в административные единицы.

Самые границы волостей постоянно колебались, так как волость с течением времени расширялась. И волостной центр мог оказаться на окраине данной волости. Первоначально же административные волостные центры в большинстве случаев совпадают с центром населения волости, возможно, что волостная организация определялась не количеством населения, а принадлежностью земель данной волости тому или иному владельцу.

Дело в том, что главная масса населения, крестьяне т. е. тяглые люди не имели права частной собственности на землю и могли селиться на землях княжеских, монастырских и частновладельческих.

Княжеские земли назывались черными. Отсюда и селившиеся здесь на арендных основаниях крестьяне назывались черносошными. Земли частновладельческие были поместные и вотчинные, как те так и другие принадлежали служилым княжеским людям боярам и дворянам. Крестьяне селившиеся на этих землях назывались белопоместными. Крестьяне же монастырских и церковных земель, назывались или монастырскими, или владычными, или митрополичными, смотря по тому, в чьем ведении находились монастырские и церковные земли.

В старинных судебных грамотах можно найти указание на различие крестьянского населения по владельцам их земель, например в судной

грамоте Ферапонтова монастыря и Южских крестьян (р Юг). Представитель Ферапонтова монастыря Данило Глин говорит: „а что господине, те крестьяне Южские волости называют те земли волостными—черными Южские волости, а те, господине, земли из старины боярские, а не черные“. ¹⁾

Или в грамоте Василия Ивановича III к Давыду Сырневу о починке Ерговской Ямской избы подробно перечисляются крестьяне по их владельцам. Великий князь рекомендует привлечь к постройке ямской избы: „Моиimi Великого Князя сельчаны, и митрополичи, и владычными, и боярскими, и монастырскими, и черными, и оброчными, и всеми без отмены чей кто нибуди“. ²⁾

Сообразно с распределением всей территории между названными нами владельцами, мы встречаем в 15 веке и волости монастырские, княжеские, митрополичьи, владычные и боярские

Размер волостей был неодинаковый. Иные из них, например монастырские достигали больших размеров, другие представляли из себя лишь приход—село с несколькими деревнями.

Так Череповецкая волость монастырская включала в себе нынешние Воронинскую, часть Богословской, по правую сторону р. Ягорбы, Дементьевскую, Абакановскую и Шухободскую, меж тем рядом с ней по левую сторону реки Ягорбы волость „Заягорбье“ великого князя Московского, как видим из Белозерской езовой книги, равнялась лишь нынешнему селу Богослову с его приходом.

Большая по количеству населенная волость делилась на кулиги. Кулигою называется отдельный приход данной волости, но какое административное значение Кулиги, определенно сказать нельзя. Вероятно кулига определялась общинно-земельными интересами, степенью тягла и приходским центром—церковью.

Возможно и то, что кулига первоначально специально обозначала нам то место в лесу, где срублены и выжжены деревья для пашни.

Но у нас есть основание толковать кулигу, как часть волости. Так в поручной записи крестьян села Федосьева говорится:

„Се яз Иван Онофриев, да яз Яков Ермолов, да яз Докучай Павлов, да яз Федор Перфальев, да яз Богдан Якимов Патреарши отчины села Федосьева, поручился есьми Воскресенского монастыря архимандриту Гедону с братиею по крестьянине Стефановские кулиги деревни Паздерина по Федоре Поликарпове, что жити ему, за нашею порукою, в той же Стефановской кулиге в деревне Никитине, на пустом жеребью, белка земли“... ³⁾

Маленькие волости часто назывались «волостками». Термин «волостка», «волостца» общеупотребителен в грамотах Московского Правительства. Так в приведенной уже нами грамоте Давыду Сырневу великий князь перечисляет крестьян Белозерских сох—«волостью Андогою, волостью Андопалом, да волостью Судюю, да волосткою Заколицею, да волосткою Ваксалою». ⁴⁾

1) Юр. Акты № 3.

2) Акты Арх. Эксп. I № 156.

3) Юрид. Акты—спр. 299.

4) А. А. Э. т. I № 156.

Колебание размера волостей и их границ зависело от перехода того или другого населенного пункта или к монастырю, или к князю, или к служилому владельцу. В грамоте Михаила Андреевича мы имеем и пример такого колебания с деревней Матурином, а именно: «Се яз князь Михаил Одреевич пожаловал есмь попов Воскресенских соборных Череповского монастыря, что у них деревня Матуринская, а ту деревню дал к Великому воскресению князь Иван Карголомский по душе, а та деревня тянула к моему стану к Череповскому судом и данью, и яз отца своего Геронтия Митрополита ту деревню от своего стану от Череповского отнял, а придал есмь ту деревню к его монастырю Воскресенскому с судом и данью и со всеми пошлинами»...¹⁾

Волостные границы часто нарушались крестьянами той или другой волости, запахивавшими чужие земли. В этих случаях принадлежность спорного участка разрешалась судом, а мнения суда опиралось на свидетельство старожилов.

Наибольшим сутяжничеством отличались старцы Ферапонтовского монастыря. Они то нам и оставили факты поволостного определения границ. Примером может служить спор Ферапонтовских монахов с крестьянами Есюнянские волости, принадлежащей великому князю. Старожильцы так определяли волостную границу на суде: „А межа Великого князя земле Есюнянские волости с монастырскою землею Сусольских деревень, от речки Суслы, от Скоцкого, прямо на Шелепский мох, по летней стороне мху, а Шелепского мху на Волоцкой путь, да Волоцким путем к реке Шелексе, да рекою Шелекшею вниз до реки Порозовицы, правая сторона, господине, Великого князя Есюненская волость, а левая господине, сторона Пречистые Богородицы Ферапонтова монастыря“. Одним словом подробно перечисляются при установке границ названия всех пустошей, рек, речек и болот.

Или же размежевание могло носить полюбовный характер: „в том и другом случае правильно установить границу можно было через отводчика“, нечто в роде нашего землемера, лицо официальное, назначаемые великим князем.

Состав и количество населения для различных волостей—было различное. Сохранившееся до нас письменные памятники говорят нам об учете лишь тяглою, податного населения, остальное население, как волостная администрация, помещики и их слуги в списках волостных, обычно, не значатся.

Вот например выписка из Белозерской сотенной книги о волости „Иванов Бор“ и всех деревень в волости Иванова Бору 19, да деревень пустых и пустошей 8, а дворов 40, а людей в них 41, да 13 дворов пустых, пашни 77 десятин, перелог 41 десятина, а в двух полях по тому, сена 506 копен, „что составляло по Московскому земельному отчету 10 без трети выти и полчети выти и пол-пол-чети выти, да пустых выть с четью выти, а сотенные пашни полтрети сохи“.²⁾

Термин „людей“ обозначает лишь плательщиков, а не их семьи, т. е. женщины, старики, дети и вообще население, не входящее в платежную разверстку, в „сотной книге“ не отмечались в чем и можно убедиться, про-

1) Петров. История Чер. Воскр. мон.

2) Юрид. акты № 20.

сматривая подворную запись: „дер. Поповское, дв. Китайпо Ешимахов, вд. Поздейко Грилин, дв. Ивашко, дв. Ошук Офонины, дв. Ивашко Китаев“¹⁾ далее перечисляется пашня, луга и другие принадлежащие данной деревне. Но совершенно в записи не упоминаются члены семьи, записан лишь глава двора, лицо, на котором лежит тяговая ответственность.

Церковные земли, хотя и регистрировались, как находящиеся в данной волости, но в платежную разверстку не входили.

„То-е ж волости церковь Петр и Павел, на реке на Шекстне, у Иванова Порогу: дер. Нелидово Селище, на речке на Гремихе, церковь Петровская, да поп Прокофей, пашни церковные десятина, перелогу десятина ж в поле, а в дву полевх по тому-ж, сена сорок копен, и та деревня церковная в сотную пашню и выти не положена“.²⁾

Состав и количество администрации волости зависело от политического и экономического значения ея.

Для начала описываемого нами периода характерные феодальные отношения, господство натуральных повинностей.

Вероятно, в этот период администрация волости была исключительно назначенная князем, но к концу 15 века в великокняжеских документах, грамотах, судебных делах встречаются указания и на выборную администрацию.

Назначались князем Наместники и волостели также их тиуны—судьи, доводчики.

Выбирались населением старосты, соцкие, десяцкие.

В отношении назначенной администрации мы всегда находим в посланиях князя эпитет „МОИ“. „Наместницы мои некоторые и их тиуны в монастыре Святого Воскресения не ставятся“ или в той же грамоте: „а наместницы мои без митрополита приказника не судят“.³⁾

Или „А мои наместницы Белозерские и волостели Угольские и тивуны их их хрестьян и монастырских людей не судят“.⁴⁾

Что касается выборной администрации, то в грамотах они называются просто без притяжательного местоимения: „От Великого Князя Ивана Васильевича Всеа Руси, на Белоозеро сотнику Городскому и всем христианом, и на городок на Федосьин, и на Вогнему, и на Волочек на Словенской, и на Идьму, и на Углу, и в Череповесь и в Кистьнему старостам“.⁵⁾

Взаимоотношения между назначаемой и выборной администрацией к концу 15 века развиваются в сторону усиления самоуправления „А наместником нашим и их тиуном без соцков и без добрых людей не судити суд“.⁶⁾ Даже нельзя было по уставной грамоте „тиуном и наместничьим людям на пир и на братчину незванным не ходить, а кте приедет к ним на пир и на братчину незван, а они того вышлют безпенно“.⁷⁾

Если в княжеских волостях, с черносошным крестьянством, развивается самоуправление, и выборные волостные люди приобретают большее и большее значение, то в монастырских волостях, и волостях с белопо-

1) Юрид. акты № 228.

2) Юрид. Акты № 228.

3) Петров. История Черепов. Воскр. монастыря.

4) А. А. Э. № 124.

5) Тоже. № 73.

6) Тоже № 123.

7) Тоже № 123.

местным крестьянством действует исключительно назначенная администрация — прикащики.

В отношении общегосударственных повинностей и суда они играли ту же роль, что и выборные люди от населения. „А наместницы мои без Митрополита приказника не судят“. ¹⁾

Суд и расправа, а также все административно-полицейские распоряжения в монастырских волостях шли не от князя, а от Игумена данного монастыря или Митрополита „Всея Руси“.

Неясно очерчивается административный состав волости, с частновладельческими землями.

Но, видимо, что здесь также выборный состав заменяется приказным (прикащиками) и что переход к частному владельцу населения данной волости болезненно переживается последним.

Отзвуки этих взаимоотношений мы находим в жалобах крестьян на новых владельцев. В судебном списке по спорному делу крестьян дер. Михалева и Минейцева с прикащиком служилого человека Злобы Леонтева Овсяникова, представитель крестьян староста Оброско говорит судье: „Жалоба ми, господине, на того Овсяника, живет, господине, у нас в великого князя деревнях в Черных Лоскомские волости, в Михалева да в Минейцеве сильно, а называет, господине, те деревни государя своего отчиною Ивановою Злобино, а не ведаем почему“. ²⁾

Появление прикащика частновладельческого „Государия“ влекло, повидому, ущемление прав населения.

А ущемление прав могло происходить в силу изменяющихся отношений между населением и государством.

В частном владении Государственная тягота с населения переносится на владельца и выполняется последним исключительно военной повинностью.

В этом же судебном списке имеются сведения как заменялись повинности населения, повинностью владельца помещика, а следов, и население — помещиком. „Се яз князь Андрей Васильевич пожаловал есьми Злобу Васильева сына, освободил есми ему на Вологде купити земли, на соху, боярских и служных и черных тяглых земель, кто ему продасти; а с тою земли с слугами и с черными людьми не тянет, а служить с своею братиею с детьми боярскими“. ³⁾

Военная служба компенсировалась эксплуатацией земель, отведенных в поместное владение, или будет правильнее, если скажем, эксплуатацией крестьянского населения, живущего на этой земле.

Юридически крестьянин у помещика свободен, но фактически он привязан к своему хозяйству на этой земле, и право свое перехода на новую землю для нового хозяйствования осуществляет лишь в редких случаях, когда эксплуатация принимает невозможные размеры, которых не выдерживает даже многотерпеливая натура нашего предка — крестьянина.

Помещик — Государь ставал между крестьянином и администрацией края заменяя последнюю в своем поместье и отчине.

1) Петров. Истор. Воскр. мон.

2) Юр. Акты № 9.

3) Юр. Акты № 9.

„А наместницы мои Белозерские и их тиуны, Афонасия и детей, и их старых людей и пришлых и окупленных, не судят ни в чем, оприч душегубства, ни кормов своих у них не емлют, ни праветчики ни доводчики поборов своих у них не емлют, ни в'езжают к ним ни почто; а судити свои люди Афанасий сам, или дети его, или кому прикажет“.

Таковы льготы, данные верейским князем помещику Белозерского уезда Афонасию Внукову.

Или в другом случае тот же князь также несколько ограничивает в области суда компетенцию Государя помещика, исключая из его владения дела о душегубстве.

„А судит и ведает Гридя свои люди в разбои, в татьбе с поличным, оприч душегубства“.

Так или иначе, а государь помещик владел административным и судебным аппаратом и имел значит всю силу государственного воздействия на население поместья. Принимая же во внимание малые размеры территории государства-поместья, административное и служебное воздействие влекло за собою, как мы и указали, заметное ущемление прав населения.

Как происходила экономическая эксплуатация крестьянства в поместьях мы изложим далее при обзоре отношений монастыря и крестьянства. В среднем она сводилась к сбору всех доходов в пользу помещика—тех именно доходов, которые шли в пользу администрации края. Но не всегда это освобождало белопоместных крестьян от выполнения государственных повинностей. Во многих случаях крестьяне „тянут те и другие“: и повинности князю и повинности помещику.

Самоуправление волостей развивается вместе с централизацией управления в крае. К концу 15 века централизация управления Белозерского края закончилась. Уставная Белозерская грамота 1488 фиксирует уже сложившийся прочно административный аппарат края.

В г. Белозерске, в центре управления, стоит наместник. При наместнике на весь уезд два тиуна.

Весь уезд в административном отношении разделен на 3 стана: „а станов к городу: Городецкий стан, да Надпорожский стан, да Заозерский стан“. ¹⁾

Упоминаемые раньше в духовных грамотах „стан Веретейка“, или в грамотах Михаила Андреевича Череповецкий стан в уставной грамоте не названы и, надо полагать, были упразднены, вследствие об'единения удельных и княжеских земель в Московский Белозерский уезд.

В помощь наместнику и тиунам для выполнения чисто полицейских функций ареста, привода на суд и др. учреждены были должности доводчиков.

Служба в должности доводчика и тиуна продолжалась не меньше года.

„А наместники тиунов и доводчиков до году не переменяют“. ²⁾

Доводчики распределялись на уезд следующим образом: для города и при наместнике состояли два доводчика. Остальные 8 распределялись по станам. Распределял их наместник, который должен был „станы и деревни своим доводчиком поделять“.

1) А. А. Э.—т. I № 123.

2) тоже.

Обязанность доводчика заключалась в доставлении суду ответчика и отдаче его до суда на поруки.

Обязанности доводчиков, но уже от великого князя, а не наместника, выполняли пристава.

В грамотах Михаила Андреевича Князя Вереяского мы находим различие между доводчиком и приставом именно в смысле служебной зависимости от князя и наместника.

„А наместничьи доводчики в села их и дома не выезжают ни в Чудцу, ни в Крилоськое“. ¹⁾

В другой грамоте Михаил Андреевич сообщает: „Яз даю своих приставов недельщиков Белозерских на имя за своею приставною грамотою и мои приставы на поруку их дают и ставят передо мною кому будет до ково какое дело кто на ком чего взыщет“.

И в уставной Белозерской о приставах сказано:

„А приедет мой пристав Великого Князя, с Москвы по Белозерца по горожанина и по станового человека и по волостного и он им пишет один срок в году“. ²⁾

Точно разграничить компетенцию доводчика и пристава довольно трудно. Вероятней, судя по уставным грамотам других уездов, пристав или приветчик выполнял судебные решения, которые большей частью сводились к денежному взысканию. Доводчик же выполнял нечто в роде функций судебного следователя, но единственная обязанность следователя была только доставить обвиняемого на суд.

Как для призываемого на суд, так и для выполнения судебного приговора названные должностные лица по указанию суда, наместника или князя „метали сроки“, т. е. давали срок, до истечения которого доводчик передавал привлекаемого, а пристав—приветчик осужденного на поруки.

В городе и некоторых пунктах уезда наместник держал „пошлинников“.

„А на Волочке Словенском наместником держать своих пошлинников“. ³⁾

Поступления от „пошлинников“ на Словенском Волочке шли в пользу наместника, как его доходы, но таможенные и иные пошлины собирались обычно, в пользу князя.

Пунктами, где собирались княжеские таможенные сборы были Белозерск, Волокославенск и Луковец.

О последнем мы узнаем из жалованной грамоты Ивана Васильевича Троице Сергиевскому монастырю на предмет освобождения от великокняжеских сборов судна с рыбою, принадлежащего названному монастырю: „что их повозок с подвозком ходит к Белоозеру по рыбу, или назад поидет с Белоозера с рыбою, ино с того повозка и подвозка в Луковесь не надобе ни мыт, ни тамга, ни иные которые пошлины“. ⁴⁾ Велико-Княжеские таможенные сборы в описываемый период в большинстве таможенных пунктов сдавались на откуп частным лицам, и следовательно, не вызывали надобности в учреждении особых административных должностей.

Вся администрация края содержалась на счет „кормов“ с населения и некоторых судебных и торговых пошлин.

1) Петров. История Воскр. мон.

2) А. А. Э. т. I № 123

3) Тоже.

4) Тоже.

Белозерская уставная подробно регламентирует доходы разных административных лиц от кормления, но в самом факте подробной регламентации мы усматриваем черты ограничения „кормленщиков“. „А замена натуральных приношений денежными характерна для переходного момента, когда натуральное хозяйство сменяется денежным, т. е. для конца феодального периода.

В начале же удельного периода или брали корма или освобождали от кормов.

Михаил Андреевич просто пишет о монастырских крестьянах: „и в тыя люди мои наместницы не вступаютца, ни судят их ни кормов, ни подвод на них не емлют“. ¹⁾

В удельный период наместничества, как и княжение можно было „держать по пошлине, без обиды“, но вряд ли пошлина и обида строго регламентировались. Лишь с усилением центральной Московской власти мы и наблюдаем регламентацию отношений населения и волостной администрации.

Посмотрим, чем же обязывалось население в содержании уездной и волостной администрации. Каждому наместнику полагались своего рода податные при определении на должности „взсезжий корм“.

„Взсезжего корму горожане и становые люди наместником нашим на взезд что кто принесет, то им и взятки“. ²⁾

Но ведь, становые люди и горожане могут принести и скудные „кормы“. На этот случай уставная Белозерская грамота застраховывает интерес наместника от скупости горожан, а именно: „На Рождество Христово наместником нашим дадут корм со всех сох, со княжеских, и с боярских, и с монастырских, и с черных, и с грамотников и со всех без отменки, с сохи за полоть мяса два алтына, за десятеро хлебов десять денег, за бочку овса десять денег, за воз сена два алтына“. ³⁾

Но этим не ограничивались доходы наместника. Кое что поступало в виду сборов с торговых судов.

„А пошлин наместником на Белоозере в городе: явка с гостей, кои гости приходят из Московские земли, из Тверские, из Новгородские земли, или откуда кто ни приедет, с большого судна, с ватамана гривна, а людей на судне сколько ни будет, ино с головы по деньге: а кто приедет в малых судах в гребных на Белоозере из Московские земли или из Новгородские, ино с ватамана и с людей, колво их на судне ни будет, ино с головы по деньге“. ⁴⁾

На тех же основаниях и в таком же размере поступают торговые пошлины на Волочке Словенском и в Луковце. Кроме того в пользу же наместника поступают некоторые судебные пошлины. — „А будет суд перед наместники и перед тиуны к с доводчики о рубле, а восхотятся помириться, и они дадут наместником гривну“. ⁵⁾

Если же полагается по суду „поле“, „и наместники велят на виноватом истцово доправити, а на себя велят взяти противень противу истцово“, ⁶⁾ т. е. столько же сколько и истцу. Бойся или мирись, всегда наместник с тиуны и с доводчики свою пошлину „елелють“.

1) Петров. История Воскр. мон.

2) А. А. Э.—сир. т. I № 123.

3) Там-же т. I № 123.

4) Там-же № 123.

5) 6) А. А. Э. т. I № 123.

Доход приносили и мертвые тела: „А учинится у них в городе душегубство, не дойщутся душегубца, ино вины четыре рубли заплатят горожана“. ¹⁾

Нет надобности перечислять все доходы наместника: приведенных примеров достаточно, чтобы представить чем и как жили „государевы людишки“ в 15 веке.

А жить пожалуй, можно было.

По маленьку питались и тиуны и доводчики. Их кормы складывались из натуральных и денежных дач: „А тиуном корм Рождественской и Петровской вполю наместнича корму“ т. е. вполовину против наместника.

„А доводчиком побор, со всех же сох, с сохи на Рождество Христово за ковригу хлеба деньга, за часть мяса деньга, за зобню овса две деньги; а на Петров день доводчиком побор со всех же сох, за ковригу деньга, да за сыр деньга“. ²⁾

Прибавим сюда различные судебные штрафные, а для тиунов часть таможенных наместничих пошлин, и мы получили содержание уездной, становой и волостной администрации.

Все кормы наместникам, тиунам и доводчикам собирались с населения сотскими и вносились последними по назначению в два срока в году: рождественские кормы на Рождество, а петровские летние на Петров день.

В приведенных нами выдержках из Белозерской уставной грамоты 1488 года можно подметить одну характерную для экономики края черту: замену натуры деньгами и точную таксацию натуры, при чем то и другое, т. е. продуктовый набор и цены устанавливаются „по Московскому пряссу“.

Что это так в действительности, доказательством служит отсутствие в продуктивном списке наместничьих кормов самого обыкновенного для нашего края продукта—рыбы. А меж тем рыболовством, как мы увидим после занимались целые волости.

Перейдем к выяснению положения населения, его занятий, и обязанностей и прав.

Наиболее полными сведениями мы располагаем о положении основного ядра населения—крестьянства.

Крестьянами, христианами, хресьянами называлось податное население, живущее на княжеских, частно-владельческих (боярских и других служилых людей) землях, а также на монастырских угодиях.

Положение перечисленных всех крестьянских разрядов было неодинаково. В то же время, как черносошенные крестьяне несли помимо оброка за пользование землей, или, как тогда говорили, тянули, различные натуральные повинности, монастырские и белосошенные крестьяне могли их и не тянуть. В этом случае повинность перед государством нес монастырь или помещик, денежную или натуральную, а крестьяне несли повинности перед хозяином земли, образуя базис помещичьего и монастырского хозяйства.

В начале описываемого нами периода хозяйство княжеское, боярское и служилое носит замкнутый характер. Крестьяне несут натуральные повинности, и следы прежних отношений содержит Белозерская уставная грамота и другие документы, называя даже денежную пошлину часто „бораном“.

О характере натуральных повинностей государственного значения нам дают понятие льготные грамоты.

В льготной грамоте Михаил Андреевич половникам и езовникам Черевцево-Воскресенского монастыря дает такую льготу: „Не надобе им моя дань, ни города делати, ни тесу тесать, ... а бояре мои и дети боярские в том селе монастырском у тех крестьян не ставятся, ни кормов, ни подвод у них не емлют“. ¹⁾

В других льготных грамотах подробнее перечисляются крестьянские повинности. В льготной Вологодского князя Андрея Васильевича (на имя Кириллова монастыря, крестьяне некоторых владений этого монастыря освобождаются от писчей белки, ямских повинностей, подвод, мытов, тамги, восьминичного, косьбы сена на княжеских пожнях, содержания княжеского коня.

Подробно перечислены крестьянские повинности в жалованной грамоте Князя Ивана Васильевича об освобождении крестьян Троицко-Сергиевского монастыря в Бежецком верхе. „И тем всем их крестьяном сельчаном монастырским и деревенщиком не надобе ям, ни писчая белка, ни подвод, ни мыт, ни тамга ни осминичное, ни явка, ни сен моих не носят, ни коня моего не кормят, ни в конюшное, ни в портисе не тянут, ни хором на стану не ставят, ни об'езжие, ни коневое им не надобе“. ²⁾

Такое обидие повинностей в каждой местности определялось, очевидно, соглашением между владельцем земли и крестьянами, поэтому все эти повинности могли в одном месте взиматься, в другом отсутствовать.

Для нашего края, основной, общей для всех жителей повинностью, была ямская повинность. В некоторых волостях она заменялась езовою повинностью. В начале же удельного периода к числу общих повинностей мы можем отнести и стройку городов и „тес тесать“, плотничьи работы на князя.

Ямская повинность заключалась в содержании ямских, или понашему почтовых, земских, станций в исправлении дорог и в обязанности нести ямскую гоньбу.

В цитированной нами грамоте Сырневу Великий князь пишет: „здесь сказывали моему казначею Ергольские ямщики Сумак Петрушин, да Васюк Леонов, что в Ергольском Яму хоромы, избы и сеннины и конюшни погнили и тын обвалился“. ³⁾ Для работы силами крестьян должен быть произведен ремонт старых изб, постройка новых. Из этой же грамоты мы узнаем о количестве необходимой по ремонту работы, а главное число жилых и нежилых построек на Яме: „велел поставити новые хоромы, две избы трех саж. меж углов да два сенника на подклетах меж углов по полутретие сажени....“ ⁴⁾

Кроме работ по оборудованию Яма грамота указала и исправление дорог. „Да теми ж бы еси сохами велел крестьянам от Ергольского Яму до Надпорожского Яму дороги почистити и мостов по рекам и болотам и по грязем велел починити....“ ⁵⁾ Обслуживание же ямов конским составом было одной из самых тяжелых натуральных повинностей.

Выполнение ее сопровождалось большим произволом и безответственностью со стороны администрации. От этой повинности страдали все ре-

1) Петров. История Воскресенского мон.

2) А. А. Э. т. I № 131.

3, 4, 5. А. А. Э. т. I—№ 156.

шительно крестьяне и государственные, и помещичьи, и монастырские. Митрополит Кириллова монастыря Афанасий с братьею бил челом великому князю о следующих притеснениях монастырских крестьян по ямской повинности: „что де их монастырские крестьяне, с их монастырских сил с Кивуя да Вашная, с полусохи и с половины полутрети сохи, с сох с подводами стоят на Белоозерском Яму, да их же монастырские крестьяне с монастырского же сельца Бабинского с шестой выти с сохи, с сох с подводами стоят на Арбужевском Яму, а Кивуй де и Вашкая от Белоозера за 50 верст, и наши деи посланники и гонцы и высыльщики и городовые рассыльщики гоняют в Кисьнему и в Кему и в Каргополе и в волости, и с Москвы деи гоняют на Белоозеро и с Белоозера назад к Москве, а Яму деи от Белоозера до их монастырских деревень, нет и на Бело деи озеро в город их крестьяне приезжают, и вы деи ямщики и дворники ямские у их крестьян на торгу лошади на Ям в подводы емлете и под гонцы отпускаете“.... Далее жалоба говорит о „великих“ убытках от ямской повинности, что „впредь в тех ямах, с сох, с подводами стоять немочно“...¹⁾

Если допустить некоторый элемент преувеличения, свойственный „княжим богомольцам“, то все же ямская повинность при тех условиях и способах дальней гоньбы была очень тяжела для населения, при условии, а об этом—жалоба и говорит, о переезде не на перекладных, а на тех же лошадях до места назначения.

Для Шекснинских волостей ямская служба заменялась езовой службой. „С тое Заягорбские волости ямских денег не платить, и посошные службы с них не наряжать, и городского дела им не делати. А за ямские деньги и за посошную службу и за городовое дело бити „Царев и великого Князя Ез Цилинский, от Митрополича от Череповского езу три версты и двести пятьдесят семь сажен“.²⁾

Езовая повинность сводилась ежегодно к установке через реку перепородки, у которой ловили скопившуюся здесь рыбу неводами.

Ез—предприятие солидное и требовало усилий целой волости.

„А в том езу двадцать восемь козлов; а выходили в тот ез лесу большого на козлы восемьдесят дерев семи сажен, да на переклады к навалу сто двадцать дерев двенадцати сажен, да на грузила и на суповатки среднего лесу 90 дерев семи сажен, а в клетки выходили семьдесят бревен дву сажен, а мелкого лесу на засовы тысяча четыреста пятьдесят жердей, а в пором выходит большого лесу пять козлов четырнадцати сажен да семнадцать бревен поперечных дву сажен, да два бревна семи сажен да шестнадцать тесин семи сажен, да стырь да палица, да в воротех кладут на лето по три саж.“.²⁾

Ез ставился весной и убирался зимою, когда кончался рыболовный сезон на Шексне.

Рабочие руки давала приписанная к езу волость, а материалом обезпечивались из особо отведенных для того участков леса.

„А ез бьют в весне на полой воде, недели четыре и больше пятнадцать человек; а лес добывают на езовое дело в своих лесех“.³⁾

1) А. А. Э. т. I—№ 206.

2 и 3) Юр. Акты № 230.

Лесной участок для цылинского еза был отведен по реке Шексне „по Череповской стороне, от Езу по речку по Южик по Малой, в длину на полпята версты, а поперек на версту“¹⁾

Что же мог дать Великому князю крестьянский езовый оброк. „А с того езу давати им царю и великому князю оброку сорок осетров, а тое рыбу давати им 14 осетров семерников 16 осетров пятерников вислых, 7 осетров косячных, 3 осетра свежих, да три шевриги вислых да три рыбыцы белые вислых, а икры осетрие давати им со трети, с 13 осетров пять пуд без пяти гривеннок (фунтов).“²⁾

Ну, а если плохой улов. Тогда рыбная повинность заменялась деньгами.

„А в котором году Царь и Великий князь тое рыбы и икры имати у них не велит, им за тое рыбу и икру давати деньгами 37 рублей 9 алтын по 4 деньги: за вислые осетры за семерники и за пятерники и за косячные по 26 алтын по 4 деньги за осетр, а за свежей осетр по 40 алтын, а за шеврюгу по 10 алтын, а за белую рыбыцу по полуполтине, а за пуд икры по полтине.“³⁾ Головы от вислых осетров можно было не возить в Москву. т. е. употреблять на местах, но князю за них полагалось уплатить за 30 голов 20 алтын, по 4 деньги за голову. Более же ценные части вислых как то: „хрящи и пупки осетрия, и вязига и клей, возити в Москве и отдавати на дворец с рыбою вместе.“⁴⁾

Такое сложное предприятие, как Цылинский Ез требовало учета рабочих сил волости и соответствующего административного аппарата. Представителем Великого Князя являлся приказчик. Обязанности приказчика, по видимому, сводились к наблюдению за своевременной подготовкой материала, установкой еза и распределением рабочей силы, и отправкою рыбы в Москву.

Содержание приказчика (посельщина) было возложено на волость „Да им же (крестьянам) за посельнич доход откупу 8 рублей 16 алтын без деньги.“⁵⁾

Свое содержание приказчик в данном случае получает видимо из казны, куда население вносит на сей предмет „откуп“ в указанном выше размере. Но приказчик мог и непосредственно получать свои доходы от населения. В таком случае доход его складывался из денежного оброка и натуры. „А прикащикова доходу по старому было с тое волости в год на 3 праздника 2 рубли и восемь денег, да хлеба 8 четей ржи, да 18 четей овса, да 2 чети ишеницы, да две чети солоду ячного.“⁶⁾

Надо полагать, что приказчик извлекал кой какие доходы и от продажи выловленной рыбы неценных пород, которая не отправлялась „на дворец“, а продавалась в свежем и соленом виде массовому покупателю или торговцам рыбой, специально приезжавшим из центральной области на Шексню и Белоозеро в летнее время на больших и малых судах.

В обеспечение этого дохода, главным образом, и чтобы дело делалось со стороны населения без хитрости, на каждом берегу, т. е. концах еза, постоянно присутствовали два целовальника и три сторожа.

Любопытно, что население езовых волостей специализировалось в этой повинности. Поэтому свободные рабочие руки не употреблялись ни на какое другое дело, а посылались бить другие езы.

„В той же Заягорбской волости, у Цылинского езу осталось у козлов живущих вытей 6 вытей по полчети выти: и с тех вытей бити им царя и великого князя ез пустой Коленецкой; а писан подлинно под волостью, под Малою Веретейкой“. ¹⁾

Нельзя сказать, что езовая повинность была легче ямской и городской, которые она заменяла. Наоборот характер всего предприятия давал возможность с помощью выборной и назначаемой администрации основательно эксплуатировать крестьянское население.

Для устрашения же последнего могли быть приняты крутые меры, а именно: „а на который срок рыбы и икры и за осетрии головы денег не привезут, или привезут да не сполна, и та рыба икра и деньги имати на них вдвое, без отдачи и с прогоны, а самих тех ослушников из волости высылати и впредь им той волости не живати“. ²⁾

Такая кара грозила езовикам волости Иванов-Бор, которая была Порожский ез.

Выловленная и приготовленная для князя рыба отправлялась в Москву средствами той же волости. Отправка производилась летом и зимою. Летом на судах и, должна быть в свежем виде, с помощью так называемых „садов“, как это делается и сейчас, а зимою на возах.

Значит на Пришекснинские волости нашего края ложился расход и по отправке рыбы, т. е. по нашему подводная повинность.

Поставка подвод населением для передвижения грузов в наше время встречается как исключительное явление, главным образом по военным надобностям. Наоборот в обиходе древняго населения нашего края, подводы выполняются в порядке обязательной натуральной повинности каждой волостью за исключением выполнявших езовую повинность. При том как мы уже говорим особенности подводной повинности в 14—15 веках то, что грузы следуют от места отправления до пункта назначения без перекладок на промежуточных станциях.

Поэтому подводная повинность могла распределяться и не равномерно т. е. быть особенно тяжелой для волостей, расположенных по главным торговым путям края, и сравнительно легкой для отдаленных волостей.

Главное богатство края рыба и главный торговый и транзитный путь рыбных продуктов река Шексна. Конечный пункт назначения товаров—Москва, отправными же пунктами служили езы по Шексне.

Для крестьян, несущих подводную повинность существенно важными являлись казенные, княжеские товары, но приходилось, в силу льгот, дарованных монастырям и в особенности Митрополиту “Всея Руси”, возить рыбные грузы и монастырские и митрополичьи.

У митрополита в пределах Череповецкой губернии на Шексне было два еза: около Череповца, должно быть при устье Ягорбы, и при устье реки Ковжи. „Повезут отца нашего Симонову митрополиту рыбу от Воскресения из Череповси да от Николы Ковжи, с Шексны к Москве на дву лодках“. ³⁾

1. 2) Юр. АКТЫ № 230.

3) А. А. Э. т. I № 140.

У Великого князя были езы по всей Шексне, а в пределах нашей губернии при Федосьине городое (Кир. у.) в Ивановом-Бору—порожский ез, в Коленце Цилинский ез, около г. Череповца.

Были ли частновладельческие езы, мы не можем сказать утвердительно, и судя по тому, как поставлено было езовое дело на севере, возможно, что и на Шексне существовали езы, принадлежащие частным владельцам.

Как зимний, так и летний путь следования товаров один и тот же, а именно:

Шексною через Луковец на устье Шексны, дале Волгою на устье Мологи, на г. Кашин, в Дмитриевский уезд на устье реки Дубны.

Льготная грамота Великого князя Ивана Васильевича III, данная на беспошлинный проезд митрополичей рыбы из Череповца упоминает следующие таможенные пункты, которыми провозят митрополичьи рыбы. „От Великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, в Луковесь, да на устье Шексны, да на устье Мологи, да на Углич, да в Кашин, да на устье Дубны, да в Дмитров мышником всем“. ¹⁾

Тожество зимнего и летнего пути следования митрополичей рыбы, устанавливается маршрутом, приведенным в упомянутой грамоте Ивана III, а также грамоты Дмитровского князя Юрия Васильевича на тот же предмет (1504 год), относительно зимнего пути. Тем же мытинам дается инструкция: „Или повезут митрополичу рыбу зиме от Воскресения в Череповси и от Николы с Ковжи, к Москве, на осьмерых санех, а товару с ними не будет никакого, опричь рыбы, и вы бы по тому же с тое рыбы и людей мыта и иных некоторых пошлин не имали“... „также и назад поедут с Москвы в Череповесь и на Ковжу, и вы бы с них задних калачей не имали“... ²⁾

Но „Митрополит Всеа Руси“ не ограничивался своими запасами, а дважды в лето посылал в наши края своего „купчину“. Митрополичий купчина приезжал и на Шексну с Усть Дубны в двух суднах—павозке и подвозке. Топнаж этих судов равнялся ста зимним возам.

Если „купчина“ митрополичий успевал проезжать и уезжать в течение навигации, то от этого ущерб терпела княжеская казна, так как грузы, закупленные здесь купчиною, освобождались от пошлин в упомянутых нами мытных пунктах.

Если же суда случайно замерзали в Шексне, то население должно было везти из павозка и из подвозка товар на „сте возех“. Эти сто возов, или подвод, должны были доставить митрополичьи волости, а принимая во внимание центральное положение Череповецкой волости, и доставляла главным образом последняя.

Подводная повинность для лица доставлявшего подводу не носила безусловно и обязательно личный характер. Подводчик мог и нанять от себя подводу. Так делали владельцы частных имений и монастыри.

Мы остановились лишь на описании наиболее тяжелых натуральных повинностей податного населения Череповецкого края. В какой форме выражались другие повинности, например, портное, косьба княжеских пожен, конюшенное, об этом можно лишь предполагать, но точных данных не имеем.

1) А. А. Э. т. I № 133.

2) А. А. Э. т. I № 140.

Вероятно и портное и косьба обязательны были для тех волостей, крестьяне которых сидели на частновладельческих землях, или на княжеских, на дворцовых.

Конюшенная повинность возможно что выражалась в поставке конского состава для Московской армии, но, повторяем, документы о нашей старине, не дают точного определенного и ясного представления об этом.

Выполнение натуральных повинностей достигалось путем разверстки. Разверстка же влекла за собою и соответственную организацию тяглого населения: все тяглое население делилось на сотни и десятки, т. е. так, как делилась и Московская армия того времени.

Можно ли назвать такую организацию населения самоуправлением, как это делают некоторые исследователи крестьянского сословия.

По нашему мнению, нельзя и вот почему.

Государственная власть ставила себе в своей налоговой политике две цели: полнее провести обложение, выявить все решительно источники обложения, сделать это как можно дешевле, иными словами: полность сбора и дешевизна налогового аппарата.

А самый дешевый аппарат будет аппарат, содержащийся на счет населения, или местный аппарат.

Московское правительство великолепно понимало, что всякий чин назначаемый из Москвы лез невольно и в карман казны, а не только населения. Вот почему оно и стремится к сокращению аппарата, и возложению обязанностей разных чинов на население.

Последнее же обеспечивает аккуратность и честность в выполнении круговой порукой.

Значит все самоуправление строится не на сознании своих прав и привилегий, а на принудительно-необходимом выполнении одной из государственных повинностей — повинности давать чинов для административного аппарата.

В этом смысле мы и должны, кажется, понимать самоуправление тяглого населения, или говорить только о зачаточных формах самоуправления.

Но все же и в зачатной форме самоуправление волостей безусловно факт положительный: как никак оно все же развивало самодеятельность и корпоративный дух населения, сознание именно своих интересов и противопоставление их чужим и коллективной защиты своих прав.

Вся налоговая тягость населением разверстывалась сообразно экономическому положению членов волости.

Экономическое благосостояние члена волости зависело от его земельных владений. Единицей земельных владений считалась выть, она же была и податной единицей.

Что же такое выть?

Из описания волости Иванов-Бор видно, что в вытный участок входят разнообразные земли, но как эти земли приводятся к вытной единице, не указано.

Некоторые неясные указания дает писцовая езовая книга в данных о волости „Заягорбье“: „Кладено по старому письму на выть 9 и 10 десятин худые земли, а по новому письму кладено на выть 7 десятин худые земли“.¹⁾

¹⁾ Юр. Акты № 230.

Но если взять данные по волости Иванов-Бор, то мы здесь найдем как будто другой метод определения выти.

- 1) Сельцо Бережное 5 дворов . . . . пашни 8 десят., сенокосу 60 коп.
- 2) Дер. Доронинская 5 дворов
и один пустой . . . . пашни 4 десят., сенокосу 50 коп.
- 3) Дерев. Огуровская 2 двора . . . . пашни 3 десят., сенокосу 57 коп.
- 4) Дерев. Огашинская 2 двора . . . . пашни 10 десят., сенокосу 18 коп.

В первой деревне (сельцо — Бережное) на один двор земельных угодий приходится в среднем $\frac{1}{5}$ выти, или пашни $1\frac{3}{5}$ дес., сенокосу 12 коп.

Во 2-й пашни $\frac{4}{5}$ десят., сенокосу 10 копен, $\frac{1}{4}$ выти

В 3-й „ $1\frac{1}{2}$ десят. сенокосу, $28\frac{1}{2}$ коп, $\frac{1}{2}$ выти

Перелогу $3\frac{1}{2}$

и в 4-й „ 5 десятин „ 9 десят., $\frac{1}{2}$ выти.

Но если взять описание не целовытных участков, мы наталкиваемся еще на большее различие их между собою по размерам угодий.

Так: Деревня Ковринская { 1 дв. жилой пашни 2 дес., сена 5 коп., $\frac{1}{4}$ выти
1 дв. пустой перелогу 1 десят.

Деревня Плипузово { 1 дв. жилой пашни 2 дес., сена 20 коп., $\frac{1}{4}$ выти
2 пустых перелогу 2 дес.

Или возьмем участки в $\frac{1}{3}$ выти.

Деревня Писцово 1 жилой двор пашни 3 десят., сена 15 копен.

Деревня Ондрово 1 пустой, перелогу 1 десятина.

Деревня Макаровская 1 жилой двор пашни 3 десят., сена 12 копен.

Деревня Шаврово 1 жилой двор пашни нет.

„ „ „ „ „ перелогу $\frac{1}{3}$ дес. сена 20 копен.

Данные, которые мы здесь привели для всех полных и не полных вытных участков есть описание одного поля, каждой деревни. Обыкновенно описывалось только одно поле, про другие поля в конце описания каждого вытного участка прибавлялось: „а в двух полях по тому“, т. е. также и в описанном поле.

Выть, как утверждают некоторые, мера Московского происхождения и равнялась участку земли, на котором высевалось 10 четвертей в одном поле, „а в двух по тому“. Но принимая во внимание вышеприведенные данные, а также возможные количественные соотношения между посевом в хозяйстве ржи, овса, ячменя и пшеницы, мы не можем определенно утверждать о выти, как десятичетвертной единице пашни.

Паоборот, приведенная нами пестрота пашенных и сенокосных сведений убеждают, что выть как раз и не имеет определенной застывшей, так сказать, физиономии. Она устанавливается или в процессе письма, или, быть может, путем ежедневной практики, т. е. путем разверстки разного рода налогов, при чем определяет выть в таком случае само население.

Определялся повидимому не только размер пашенных и сенокосных угодий, но и достаток данного хозяйства: количество скота, рабочих рук, инвентарь и т. п.

Выть мера несомненно Московская, несомненно в то же время внутри волостного разверстывания налогов по угодиям и достатку владельца земли. Отношение же правительства к населению выражалось не в вытной мере, а в сохе. Всякого рода сборы и налоги правительство берет не с выти, а

с сохи, и для него важно установление не по вытам распределения, а количества сох в данном крае.

Можно представить себе такой процесс эволюции выти, а именно: Московское правительство стремится все время к точному определению сох, к изменению существующего их числа и к получению большего их количества, а население принуждено в пределах каждой сохи разверстаться на выти. Отсюда с каждой переписью физиономия выти изменялась, пока совершенно точные границы общинной земли, которая уже не могла расширяться за счет пустых (неразработанных) земель, привели к необходимости точно фиксированной земельной вытной меры в 10 четвертей.

Чему же равнялась соха. Для волости Иванов-Бор подсчет всех ее вытных участков (одном поле) дает пашни $77\frac{1}{2}$ десятин, перелогу 41 дес., сена 506 копен. Это составляло, как мы видели $9\frac{37}{48}$ жилых выти и $1\frac{1}{4}$ пустых выти, а все вместе равнялось $\frac{1}{3}$ сохи.

Значит, для великокняжеских черных волостей нашего края к концу 15 столетия устанавливается соха равная примерно 30 вытам. По земельным же угодиям, если мы механически перемножим приведенные итоговые цифры, одно поле „сошенного“ письма определится на целую соху в следующих цифрах: $232\frac{1}{2}$ пашни, 123 перелогу и 1518 копен сена, т. е. мы получаем цифру близкую к той, которую указывает Беляев от 600 до 1800 десятин для сохи.¹⁾

В сущности соха является универсальной мерой древней Руси: она принята и в Новгороде, и в Москве, и в Твери, но лишь размер ее неодинаков для каждой области.

Во владениях Великого-Новгорода, а следовательно, Тихвинском и отчасти Устюженском уезде, Череповецкого края была в обращении другая мера внутри хозяйственного разверстывания угодий — Обжа.

Обжа тоже податная единица частного хозяйственного значения. Новгородская соха равнялась трем Обжам „А в сохе по три обжи“ (Уставная Онежская грамота).²⁾ По летописным данным обжа равняется: „а обжа один человек на одной лошади орет; а кто на трех лошадях сам третьей орет ино то соха“.³⁾

В актах археографической комиссии под № 32, именно в данной Новгородской на Черный Бор с Новоторжских волостей для великого князя Московского, соха показана несколько меньших размеров: „а в соху два коня, да третье припряж“. Но здесь же и видно именно податное значение Новгородской сохи, а вместе с нею и обжи, когда соха приравнивается к другим хозяйственным категориям: „да тещань кожевникской за соху, невод за соху, лавка за соху“, и т. д.

Новгородская и Московская сохи, а за ними выть и обжа живут рядом, но Новгородская мера не встречается на территории Московского Белозерского уезда, хотя в практике наших предков обе меры были известны монастырям нашего края, имевшим земельные угодия и в Московской и в Новгородской земле. И монастыри ведут счет обжам во владениях Великого Новгорода и вытами во владениях Московского князя.

1) Беляев. Крестьяне на Руси стр 41.

2) Акты Ар. Эк. т. I № 181.

3) Никоновская летопись.

Налоговая тягота была различная для крестьян живущих на черных, монастырских и владельческих землях.

Непосредственному воздействию налогового аппарата подвергались лишь крестьяне черных волостей. Здесь крестьяне вступали в налоговые отношения со всей администрацией края, как-то: наместник, тиуны, доводчики, праветчики и т. д. Тяжесть заключалась в том, что здесь были возможны и злоупотребления и отдельные притеснения, но все же можно сказать, что князья стремятся к охране своих крестьян, выдавая различные уставные, судные и льготные грамоты.

В других случаях между администрацией и крестьянином состояли или служилый владелец или монастыри. Было ли это легче крестьянам? Было это прежде всего определеннее, так как одно лицо заменяло многих лиц администрации. Для выяснения вопроса о тяжести налогов на монастырских крестьян обратимся к анализу соответствующих документов. Из наказов монастырским прикащикам, мы узнаем, что требование монастыря к крестьянам сводилось: чтобы „крестьяне его старца чтили и слушались во всем, и под суд давались и ни в чем не огурялись, и со всяких дел и очных ставок и сыскных пошлинные деньги платили, по нашему указу и по сей наказной памяти“. ¹⁾

А „наказная память“ указывала иметь с крестьян такие налоги:

1) „В'езжого с дыму по печеному хлебу чистому, нелюб хлеб иметь за хлеб по 4 деньги; с бобылей иметь по 10 денег“.

2) „Праздничного с выти по 4 алтына да по 2 деньги, да хлеба сухого чистого с выти по осьмине ржи, да по четверти овса, в монастырскую приемную меру, в оков“, ²⁾ это прямые налоги в пользу монастыря.

Косвенных налогов значительно больше, и мудрая монастырская налоговая политика сводилась к охвату и фиксации всех сторон крестьянской жизни.

Судебные пошлины: Кто на кого подаст челобитную и по ней будет суд или очная ставка: „имать пошлин судового 3 деньги, мирового 3 деньги, жеребейного 3 деньги, с трех поставок по 2 деньги“. ³⁾ Плата за розыск краденного имущества: „имать с рубля по 3 деньги, с езду на версту по 1 деньге, докладная 10 денег, а в суде общих правд, что не будет взять езду 3 деньги“. ⁴⁾

„А у кого по челобитной суда и очной ставки не будет, имать с мирового 3 деньги, с поставки 2 деньги, хоженного 1 деньга“. ⁵⁾

Пошлины поимущественные: Кто нанимал работника платил явки 1 деньгу. Каждый продавший в пределах монастырской волости: лошадь, корову, борову, свинью, барана, овцу, стог сена, улей со пчелами платил „явки“ 1 деньгу. За продажу „изо мху хоромины“ (теплой, пробитой мохом) явки имать с продавца по 2 деньги, с срубов (очевидно с покупателя) 1 деньга.

„Вящего и смотренного имать по 2 алтына и 1 деньге; с пива (тоже за продажу) явки по 7 денег, а кто в печь поставит пива, явки по одной деньге“.

„Кто с кем поделится животами или папшнями, сдаст, или променит, или примет, взять с обе стороны одну 2 алтына 1 деньгу“. ⁶⁾

1, 2, 3, 4, 5, 6) Юр. Акты № 334.

Общие и частные переделы, перемеры земли целых деревень и отдельных дворов облагались особым налогом. С валовой меры „во дворах и в полях и во всяких угодиях, имать со всяких угодей со двора по два алтына по 1 деньге“. ¹⁾ Обмер лишь одного поля стоит для всех крестьян 2 алтына 1 деньга.

Свадебные пошлины имались с жениха 2 деньга, с невесты 4 деньга, да свадебный гостинец, да хлеб, да 3 деньга.

Если же выдавали замуж в другую, не монастырскую вотчину: „имать вывод по противням, почему с монастырских крестьян емлют“. ²⁾

Даже „кого лучитца (случится) в смирение посадить, и пожелезного имать в сутки по деньге с человека хоженного по 1 деньге“. ³⁾

Крестьянская неактивность в общественных делах также подвергалась денежному налогу—штрафу, „а кои крестьяне на монастырский двор на сходы и на монастырские изделия ходить не станут и учнут огуряться, и на них править за их непослушание на монастырь по 10 денег с человека, прикащикам хоженного по 1 деньге“. ⁴⁾

Отношения монастыря и крестьян не исчерпывались чисто-денежными сборами, которых как мы видели было слишком достаточно.

Монастырь стремится внести свою организацию и в быт крестьянина приспособляя его сообразно своим религиозным идеалам. Методы организации быта, т. е. методы воздействия на крестьян, являются или денежный штраф или телесное наказание, или рубль или батог.

В том же наказе монастырским прикащикам об этом написано довольно убедительно и сильно: „да о том же велеть сказывать, чтобы они крестьян с женами и детьми в воскресные дни и в праздники Господские к Церкви Божии приходили, и в великий пост и в прочие посты говели и на покаяние к отцем своим духовным приходили и в дома к себе призывали, и меж собой жили были в любви, и матерны и всяким скверными словами не бранились, и в бесовские игры, и в сопели и в гусли и в гудки и в домры, и во всякие игры не играли и в домах у себя не держали, и по кабакам пить и бражничать не ходили и зернью не играли, и вин не сидели и судов винных не держали и квасов пьяных не продавали и без явки не держали; а кто забыв страх Божий и смертный час, по кабакам учнут пить и бражничать, и зернью играть и всякие игры у себя держати и лица битися и вино и квас продавать, и у них вынимать и править пени по пяти рублей на человека, а кто горазд беден и пенных денег взять не на ком, и его во сходной день перед всем миром бить батоги нещадно, чтоб на то смотря, другим было не повадно“. ⁵⁾

Излюбленное монастырское, вернее старо-Московское, наказание „бить батоги нещадно“ применялось как средняя мера наказания. Судебная практика монастырей, в частности Тихвинского, оставила некоторый материал по применению этой меры, но высшей мерой наказания считалось изгнание из общины.

Сохранилась переписка Патриаршего Дворцового приказа с Череповецким Воскресенским монастырем о крестьянах Череповецкой волости

1) Юр. Акты № 334.

2, 3, 4, 5) Юрид. Акты № 334.

Исачке Макарове, Ваське и Стеньке Милютиных, озорничавших тогда и обвинявшихся в нанесении ран односельчанам и убийстве одного из них.

Сущность ее сводится к тому, что Дворцовый Приказ делает выговор настоятелю монастыря за потворство названным крестьянам. Крестьяне эти совершили убийство и остались безнаказанными, и кроме того проявляют необычайное озорство, буйствуя и избивая своих односельчан. Приказ предлагал игумену Воскресенского монастыря подчиненных ему крестьян Исачко Макарова, Ваську и Стеньку Милютиных бить батоги нещадно и изгнать совершенно из волости.

Но крестьяне появляются при патриаршем дворе в Москве и не с пустыми, очевидно, руками, а потому воспоследовал новый указ игумену монастыря; содержание этого указа мы здесь и приводим: „И как Вам ся память придет, и Вы бы крестьян Исачка Макарова, да Ваську и Стеньку Милютиных с женами и детьми к Москве не высылали и велели им жить в домах своих попрежнему. А за озорство и за озорничество велели им учинить наказание на мирском сходе, велели бить батоги, скипя рубахи нещадно; а после наказания собрать по ним поручные записи, что им впредь не воровать и не озорничать“. ¹⁾

Итак мера битья батогами нельзя сказать, чтобы была особенно страшной для мужика: он предпочитал быть избитым „батоги нещадно“, чем изгнанным из общины, или хотя бы выселенным на пустые места.

Монастырское крупное хозяйство экономически господствовало над мелким крестьянским хозяйством. Монастырский капитал действовал прежде всего в области земельных отношений. Здесь он просачивался в крестьянское хозяйство и тем сильнее, чем сильнее хозяйственная несамостоятельность владельца, чем больше нуждаемость здесь ощущалась.

В нужде крестьянство обращалось к монастырю, как к ссудной кассе или за деньгами или за семенами. И в том и другом случае монастырь охотно ссужал—просителя, но в обезпечение за проценты на ссудный капитал, обычно пользовался или познями должника или другими его угодьями. На занятый капитал писалась кабальная запись, просто „кабала“, и не выполненное в срок обязательство давало законную силу кабале: или должник лишался оговоренной части имущества или становился совершенно зависимым холопом монастыря до тех пор, пока он не уплатит долга. Мы приведем для иллюстрации выдержки из типичного документа того времени так называемая заемно-закладная Власия Фризянова, в четырех рублях. Власий Фризянов с своими людьми Ивашкой Ивановым и Онцифором Шигою заняли у Кирилловского монастыря слуги Дементия Иванова, — „четыре рубли Московскими ходячими казенных денег“ на срок с 30 Апреля до 26 Ноября („до Юриева дни до осеннего“). „А в тех есьми деньгах заложил на озере свой закос полголубковского закоса; а за росты (за %) им ту пожню косити на монастырь половину“... „а не будут у меня у Власа деньги на срок, ино им та пожня косити по тому ж“. ²⁾

Крестьяне, бравшие ссуду деньгами „серебром“, назывались серебряниками. Они могли уходить из монастыря к другому владельцу лишь по уплате ими взятой ссуды. Новый хозяин, будь то другой монастырь, а ча-

1) Афанасов. Истор. Черепов. Воскр. мон. рукописный труд.

2) Юр. Аркы № 237.

ще владелец помещик не могли принимать крестьянина, не уплатившего ссудное монастырское серебро.

Недоразумения между помещиками и монастырем часто происходили на этой почве, так что требовалось вмешательство Московской власти, которая и в данных случаях ставала на защиту своих богомольцев.

Вообще же говоря недоразумения у монастыря с окружающими владельцами были часты. Дело доходило и часто до открытых столкновений и победителем в столкновениях не всегда выходили монахи, но уже за причиненные убытки и побои, даже „лаи“ (ругань их) они систематически и настойчиво доводили до сведения высшей власти, давая последней вылить себя в соответствующих юридических актах, охранных и других грамотах; одним словом, монастыри можно сказать в борьбе за экономическое влияние, бессознательно правда, способствовали развитию и внедрению в обиход населения юридических норм того времени.

Нападения на монастыри соседних владельцев помещиков тем чаще, чем сильнее обострялись экономические отношения. А они и должны были обостряться. Монастырь, как кулак и ростовщик того времени держал в своих руках нити экономических отношений, он господствовал экономически не только над своими крестьянами, но и над помещиками. Власть монастыря, власть ростовщика, и эту власть ненавидят не только сильные мира, но и собственные крестьяне.

Нет ничего удивительного, что терпение крестьян иногда истощалось и они били монахов, грабили монастырь и чинили беспорядки. Но нередки были случаи нападения и соседних с монастырем крестьян, не находящихся в подчинении у монастыря. И в этих случаях избивались монастырские прикащики и грабилось монастырское добро, а в Москву от монастыря шли жалобы „Царю и Государю Великому Князю“... на разбой и побити слуг монастырских.¹⁾

Как жили крестьяне, каковы были идеология, их семейная жизнь — мы не знаем. Мы можем сказать, что те сведения, говорящие об экономическом и правовом положении крестьянина, дают нам право сказать и на заре нашей истории и в мрачное время феодализма вся наша общественная и хозяйственная жизнь строилась на самой беспощадной эксплуатации крестьянства. А в 15 и 16 столетия, крестьянству нашего края причиталось пока, что одна льгота — „бити батоги нещадно“.

Переходный период время-первоначального накопления капитала. О торговле в 15 и в начале 16 века в Череповецком крае.

Конец 15 и начало 16 века для нашего края можно назвать переходным временем. В этот период мы замечаем развитие здесь торговых отношений и ясно выраженное впервые выступление торгового класса.

Нельзя сказать, что феодальные отношения заметно изменяются: в области землевладения новым будет стремление заменить натуральные повинности денежными и появление на рынке продукта сельского хозяйства

¹⁾ Юр. Акты т. I № 46.

и вообще предметов местного хозяйства. В общем же феодальные отношения те же, положение крестьянства, как тяглового населения, такое же и вполне допустимо, что степень эксплуатации крестьянского хозяйства под влиянием рынка лишь возросла сравнительно с предшествующим периодом.

Время это с полным основанием мы можем назвать временем первоначального накопления капитала. При чем характерная особенность того капитала—двухстороннее его действие и в области торговли и в области земледелия. Капитал этот сначала княжеский и монастырский, достигая иногда крупных размеров, пребывает в расточических формах, прикреплен к земле. Но он создает и новые отношения, именно усиливает торговый обмен, а это первое условие вызвавшее к жизни и настоящий торговый капитал, родившийся в наших краях не из монастырской и княжеской торговли, а из частной, раз'ездной посадской торговли.

Определяющим условием развития торгового капитала в Череповецком крае было положение нашего края на главной экономической оси того времени, Московско-Беломорском пути. Наше положение было по отношению к Москве и Белому морю центральным, а это обязывало наших предков быть посредственниками в торговле между Москвой и богатой Беломорской окраиной. Соль, рыба, меха из пынешней Северо-Двинской и Архангельской губернии шли в Москву, а из Москвы сукна и другие товары шли на окраину и шли они через наш край. И здесь, постепенно выросстал и развивался один из оживленных в то время Белозерский рынок, развитие которого мы и постараемся проследить.

О торговле в нашем крае имеются некоторые сведения в Белозерских уставных таможенных грамотах. Таких грамот сохранилось две. Первая грамота датирована 1497 годом, вторая 1551 годом.

Чем же вызывается в такой сравнительно короткий срок необходимость второго документа.

Прежде всего изменением самой техники таможенных сборов. По первой таможенной грамоте тамга дается на откуп частным лицам: „Откупили Белозерскую тамгу да пятно коневое Тит Окишев да Есип Тимофеев да Семен Бобр; а откупа им дати сто рублей и двадцать рублей; а имати у них те деньги Часовнику под'ячому по сроком: шестьдесят рублей взяти у них на великое заговейно на мясное, а шестьдесят рублей взяти у них на царя Константина и Еленин день“. ¹⁾

По другой же таможенной: „лета 7059 от двадцатого числа, от святого пророка Ильи, на год, Царь и Великий Князь Иван Васильевич всея Руси велел на Белоозере брати на себя тамгу и пуд и померное, да на двух гостинных дворах дворовую пошлину, Москвичем Володе Шамтурову да Игнату Ветошкину, да Белозерцем: Олеше Осипову, сыну Фомина (далее следует перечисление Белозерских жителей—таможенников), „а брати им те все пошлины вправду, по Цареву и Великого Князя крестному целованию, и самим не коростоваться“. ²⁾...

Различие документов в отношении правительства к сбору таможенных пошлин: в первом случае правительство ограничивается более или менее выгодной сделкой с откупщиками, во втором случае всю организацию та-

можни берет на себя, при чем таможенный институт создается Московским способом, путем комбинации чиновного и выборного элемента.

Но и это различие лишь формального свойства, вполне объяснимое прогрессом Московской административной машины, если бы Московское правительство, скажем, в 16-м веке провело подобные мероприятия во всех торговых пунктах.

Меж тем, мы знаем, что позднее подобные правительственные мероприятия не носили общего характера. Так в 1563 году данная таможенная грамота Симонову монастырю о сборе тамги в селе Веси Егожной говорит об откупном таможенном сборе.

Очевидно, Белозерский таможенный сбор привлекал более серьезное внимание правительства и являлся таким доходом, что Великому Князю Московскому был интерес взять этот таможенный сбор „на себя“.

Есть все данные заключить, что торговля за 50 лет в Белозерском—Череповецком крае значительно развилась.

Развитие торговли мы можем проследить не выходя из пределов изучаемых нами таможенных документов.

В первой таможенной грамоте говорится лишь о „тамге“ и „пятне коневом“, во второй грамоте говорится уже о тамге, о пудовом сборе, о померной пошлине, а главное, говорится о сборе „с двух гостинных дворов“ существование которых неизвестно первой грамоте.

Наше суждение, тем не менее, на основании приведенных нами документов о размерах и характере будет не полное, т. к. по таможенным грамотам имеют тамгу с привозных товаров. Но уже в 1497 году существовала постоянная торговля—лавки. А об этой то торговле мы ничего и не знаем.

Одно можно сказать, что и постоянные торговцы, т. е. имеющие лавки, в то же время занимались раз'ездной торговлей.

В первой грамоте по этому поводу говорится: „А городским людем Белозерцем и посаженем за озеро ездити по старине торговати“, во второй грамоте тоже: „а городским людем посаженем Белозерцем за озеро торговати ездити по старине“.

Каков размер лавочной торговли, таможенные документы не устанавливают, т. к. „А Белозерец городской человек на Белозере в городе купит или продаст товар, ино с него тамги не имат.“.

Имались таможенные сборы лишь с привозного и с отвозного в раз'езд товара.

Что же привозилось и в каком размере для торговли в Белозерск и откуда?

Перечень товаров указывает, как на местное производство, так и на предметы, привозимые издалека.

К числу местных товаров мы бы должны отнести прежде всего рыбу и икру, если бы не упоминались в числе рыб селедка. Факт же торговли сельдями, да еще в соленом виде (упоминается покунка „бочки сельдей“) говорит о том, что и рыба для Белозерска отчасти является привозным товаром и привозится она, или скорей провозится она с Северного моря на Москву.

Но все же надо полагать, что большинство соленой рыбы в конце 15-го века дает Белозерский уезд.

Из Белозерского уезда привозились следующие товары: лен, лук, чеснок, орехи, яблоки, мак, золу, деготь, т. е. предметы в большинстве своем крестьянского хозяйства.

Таможенная пошлина с этих товаров взималась с воза.

На рынке в Белозерске в числе товаров упоминается в первой грамоте мед, который покупался Белозерцами „на лавку“ и „целыми калями“.

Надо полагать, что мед является привозным товаром и привозится издалека, отнюдь не из Белозерского уезда, так как в числе привозимых из волостей товаров он не значится.

Большое значение для Белозерска имеет, видимо, торговля солью. Белозерцы закупают этот товар в значительных для того времени количествах: „А купит себе на лавку Белозерец городской человек мех соли, или рогозину соли, или пошев соли“. ¹⁾

Соль закупается не только мелкими торговцами но и монастырями и удельным Князем и на крупные суммы.

Во второй духовной Михаил Андреевич последний Князь Белозерский завещает: „да опричь того занял Микитка на мою соль в Кириллове монастыре у игумена шестьдесят рублей; да тот же Микитка занял у Панфнотьевского старца у Венедикта два рубля на мою-ж соль, да тот же Микитка занял в Мартемьянове монастыри два рубля на мою-ж соль“. ²⁾

Обширную торговлю солью вел Кириллов монастырь. Так по жалованной грамоте Удельного Князя Владимира Андреевича Кирилловским монахам было можно „продавати в Дмитрове с году на год, одинова в год, по десяти тысяч пудов беспошлинно“. ³⁾

Мы с большой степенью достоверности можем сказать, что оптовая торговля наиболее возможными и ходкими товарами находилась в руках Удельного Князя и некоторых монастырей, мелочная у Белозерских жителей.

Выписка из духовной грамоты Михаила Андреевича указывает на наличность крупной торговли, именно на крупные княжеские заготовки соли и хлеба.

Но сравнивая две таможенные грамоты, должны констатировать развитие и мелкой торговли.

Здесь не только отсутствует конкуренция между крупным и мелким капиталом, а просто разделение сфер влияние, так сказать своеобразное строение Белозерского рынка.

Рынок в этой стадии развития торгового капитала остается замкнутым и не доступным для предприимчивости иногородних купцов и монастырей.

По таможенным грамотам торговля с уездом должна вестись только Белозерскими торговцами: „А кто придет из Московские земли и из Торерские земли, и из Новгородские земли, и из всех монастырей Московские земли, и из Торерские земли и из Новгородские и из Белозерских монастырей, из Кириллова и из Ферафонтьева и изо всех Белозерских

1) А. А. Э. т. I № 134, 230.

2) Собрание Гос. догов. и гр. т. I.

3) А. А. Э. т. I № 271.

монастырей, всем им всяким товаром и^F житом торговати в городе на Белозере, а по волостем им и по монастырем и не торговати ни житом ни всяким товаром, опроче одные Белозерские волости Углы, и на Угле быти торгу по старому“. ¹⁾

„А кого изымают, кто поедет на озеро, или кто учнет торговати по волостем и по монастырем по Белозерским, и они (таможеники) с купца возьмут два рубля, рубль наместником и рубль таможенником, а с продавца возьмут два-ж рубля, рубль наместнику, а рубль таможенником, а что у них будет товару у купца, или у продавца, и тот товар емлют у них таможенники на Великого Князя, а их дают напоруки наместники, да таможенники же ставят перед Великого Князя“. ²⁾

Своеобразный, но строгий протекционизм местного рынка ставит мелких Белозерских торговцев вне конкуренции.

Этим мы и можем об'яснить развитие торговли и торгового сословия в Белозерске.

Великокняжескому капиталу не было смысла убивать мелкую торговлю, так как она являлась доходной статьей. Монастырский же капитал не мог убить эту торговлю.

Говоря о торговле монастырей, мы должны выделить двух крупнейших оптовиков того времени — Кириллово-Белозерский монастыри и затем Троице-Сергиевский.

Только эти монастыри являются представителями крупного торгового капитала, прочие же монастыри те же мелочники, что и Белозерские торговцы.

Крупному монастырскому капиталу оставалась одна сфера — организация производства.

В области производства крупный капитал действует также, как в наше время крупный кулаческий и ростовщический капитал.

Мы уже упоминали, что главнейшими товарами для наших рынков является соль и рыба.

Следовательно внимание крупного капитала должно быть обращено именно на производство этих товаров.

Производство и соли и рыбы, под влиянием крупного монастырского капитала начинает принимать кустарный характер.

Если отдельного рыболова солевар можно назвать ремесленником своего дела, тот же рыболов и солевар становятся на положение кустаря, когда к ним в невод или на соляную сковородку проникает монастырский капитал.

А проникает он незаметно: в виде одной ножи на езу, в виде целого подряда, в виде одной части соляной варницы и т. п.

Вот характерные документы того времени, иллюстрирующие проникновение крупного капитала в производство, из которых видно, что Кирилловский монастырь даже в начале 15-го века капитализирует рыболовство нашего края, что мы и усматриваем из сохранившихся купчих, кабальных и подрядных документов.

„Се яз Касьян игумен Кириллова монастыря, Пречистой в дом купил есмь, в Островском езу, полночи, у Ондreja Борисова, и дал семь полтора рубля Повгороцкие. А на то полуси*... и т. д.“ ³⁾

1, 2) А. А. Э. т. I № 230.

3) Юр. Акты т. I № 73, 74.

Или такой документ: „по грамоте нашего Князя Михаила Ондреевича се аз Филофей игумен Кириллова монастыря, кунил есмь в дом святой Богородицы Кириллову монастырю, у Микитиных детей у Олешина да у Гриди, в Вособонском езу, на Шокстне, ночь, дал есмь на ней рубль ходячей“ и т. д.¹⁾

Монастырь имел и свои тони на Белом озере и на Шексне, которые обслуживались либо монастырскими крестьянами, либо половниками. При этом, рыболовное паломничество выявлялось на почве земельных отношений, т. е. за пользование монастырской землей, крестьяне половники платят рыбой.

Примером таких отношений может служить порядная крестьян Ивана и Семена Петровых, документ во всех отношениях любопытный: поэтому мы и позволим привести его полностью:

„Се аз Иван да аз Семен Петровы дети, из Каргопольского уезда, с Водлоозеда, порядилися есмь у старца Меркурия у келаря Кириллова монастыря, половничати, Курголовы деревни на треть обжи да на Сагеловы горы на шестой жеребий обжи, а всего на пол обжи; и жити нам за Кирилловым монастырем, а Государев Царский оброк денежный давати по старому, по книгам; а в Кириллов монастырь давати нам с году на год и ставити в Кириллове монастыре на срок, на Рождество Христово, с обжи по три бочки рыбы живопросольные, бочка щучины живопросольные, большие звенне осенние ловли, а пласти невоблые, да бочка лещевины, да бочка судачины; а не захотим мы тое рыбы на тот срок везти в Кириллов монастырь, как в сей подрядной писана и нам дати за бочку щучины по двадцати алтын денег, а за бочку судачины двадцать алтын денег, а буде Бог пошлет сигашины, а не захотим мы тое рыбы свезти в Кириллов монастырь коя по сей подрядной писана, и нам дати за пол бочки сигашины двадцать же алтын денег“.

Документ датирован 1547 годом.²⁾

Пункты указанные в порядной, находятся на севере Олонецкой губернии. Значит, приблизительно в половине 16-го века монастырский капитал вышел из пределов нашего края и выявился, как серьезный экономический фактор на севере России.

Монастырский капитал идет сюда в поисках за рыбой и за солью. Вот почему, мы видим, половничество—чисто аграрное отношение феодальной эпохи, заменяется капиталистическим, и продукты сельского хозяйства, заменяются предметом торговли—товаром, или деньгами, что одно и то же.

Белое море, конечно широкое поле для приложения крупного капитала и теперь, поэтому естественно, крупный торговый капитал на Беломорский берег выходит еще в начале 15-го столетия, но шествие его здесь осторожное, медленное.

Мы напрасно стали бы искать следов крупных капиталистических предприятий развития рыболовства и солеварения в широких размерах, а главное самостоятельных предприятий. Ничего этого не было.

Князьи богомольцы, как представители крупного капитала того времени, типичные ростовщики и кулачки. Они можно сказать, вцепляются

1) Юр. Акты т. I № 73, 74.

2) Юр. Акты № 176.

уже в готовое налаженное дело, и работают из трети, половины, четверти, но полного риска предприятия на себя не берут.

Но все же факт участия монастырского капитала создает если не устойчивое производство, то, видимо, расширяет его, появляются примитивные артельные предприятия.

В порядной Федора Малафеева и его товарищей с Кирилловым монастырем описывается подобная рыболовная артель, из крестьян Умбской волости, да Троецкого старца Печенгского монастыря Мартырея и Умбского священника Григория Ильина.

Эти все люди, „которые в сей записке имяны записаны, давати с той со всее речные ловли, с четырех неводов и с поездов и с часов, четвертая рыба по всякой день“ ¹⁾ „в пользу Кириллова монастыря“, от Петрова заговения до отлеву до Дмитрова дня“... Если артель „не учинала“ давать в указанные сроки 4-ть рыбы, то она платила „сто рублей Московских“.

Участие в производстве влечет за собою необходимость и опорных пунктов. Эти опорные пункты так-же приобретаются в виде четвертой той или иной собственности, т. е. монастырский капитал все же верен себе и эксплуатацию севера и его жителей ведет при помощи земельных владений.

О подобной практике говорят нам купчие Кириллова монастыря на четверть луга земли в Двинском уезде, в Поморской волости Умбе. ²⁾ Приобреталась не земля, а право на эксплуатацию земельных культурных угодий, ибо только подобное право давало возможность монастырю эксплуатировать рыбные и соляные богатства края, как лицу юридическому.

В соляном деле, которое к половине 15 го века развилось в поморье, главным образом в Неноксе и в Золотице, монастырский капитал идет тем же путем, что и в рыболовстве.

„Се яз Павел Ананьин, сын Тарьянин, Двинского уезда, Ненокшанин, продал есьми в дом Успения Пречистой Богородицы и Преподобному Чудотворцу Кириллу и келарю Зиновию и всем соборным старцом Кириллова монастыря, двор свой в Неноксе, на посаде и со всеми хоромы (далее перечисление строений и межи, где стоит двор“). „Да яз же Павел продал в Неноксе, на великих местех, россолу три двенадцатых сугреба, четверть варницы в Григорьевской варници, и по тому росолу по трем двенадцатым сугреба, в цурене и в варнице, и в кострищах, и в колодци, в росольном, и во всем угодьи варничьем без вывета“.

„А взял есми на том дворе и на расоле, и на всем на том, что в сей купчей писано сто рублей денег Московским числом“. ³⁾

На золотицком берегу Кирилловским монастырем было куплено крупное (видимо запущенное) соляное предприятие и рыбная со складом, амбарами, сушилами, и мельницами для размолы соли за восемьсот рублей. ⁴⁾

Итак крупный капитал того времени действует в области производства, но действует как типичный кулаческий ростовщический капитал, без риска, и не разрушая существенных производственных отношений, лишь стремясь извлечь из них наибольшую для себя выгоду.

1) Юр. Акты № 179.

2) Юр. Акты т. I № 89, 98.

3) Юр. Акты т. I № 90.

4) Юр. Акты № 85.

Мы не без основания называем этот капитал ростовщическим, хотя в нем и есть элементы нового порядка.

Ростовщичество, предосудительное с нашей точки зрения, являлось вполне законным и не только законным, но и морально оправдываемым делом того времени. Занимались им все, кто имел деньги, а больше князья и монастыри.

Во второй духовной Белозерского князя Михаила Андреевича есть одно место, которое говорит, что князь приумножил свое состояние как ростовщик.

Вот это трогательное и душеспасительное место: „а что мои деньги в моих селех в росте и в пашни, и на ком ни буди и Государь бы мой Князь Великий после моего живота тех денег не велел взяти“.¹⁾

К началу 16-го столетия ростовщичество становится более выгодным занятием, чем земледелие и мы можем наблюдать даже случаи капитализации земельной ренты.

С необычайной простотой и откровенностью повествует нам один из документов того времени о подобном явлении.

„Се яз Князь Великий Василий Иванович всея Руси пожаловал есьми Пречистыя нового монастыря, что во Владимире, игуменью Марфу да стариц Александру Есиповскую, да Анну Акинфовскую Иванова, и их сестер тридцати и трех стариц и с игуменьей, да попов, Сергея, Никлюда, да Гаврила да Ивана поповых детей Васильевых, да Михаила попова сына Семенова, да двух дьяконов Тимофея Васильева, сына попова да Ивана Булгакова“.

„Что ми били челом о том, что их волость Дуброва ново-монастырская в Владимирском уезде да их село Семгинское в Юрьевском уезде, а доходу кажут с тое волости и с того села приходит мало, прожити им нечем; и мне бы у них ту волость и то село купити, да те бы деньги мне велети им водити в людех в ростех, да те бы росты велети им давати“.²⁾

И Великий Князь приказывает своим дьяком поименованные монастырские владения купить за очень крупную по тому времени сумму за 2143 руб. „и те деньги велел если давати в люди... и на те деньги имати им росту по гривне на рубль, да те деньги ростовые давати им Пречистой в новой монастырь“.³⁾

Чему равнялась капитализированная рента монастыря, или доход с отданного капитала? — Сумме очень солидной, а именно: игуменья из ростовых денег получала 10 рублей деньгами, 50 четвертей ржи, 50 четвертей овса, 10 пудов соли; каждая из 36 стариц, получала—1½ рубля деньгами, 12 четвертей ржи, 12 четвертей овса и по 3 пуда соли; каждый из 5-ти попов по 10 рублей деньгами, по 30 четвертей ржи, по 31 четверти овса, по 10 пудов соли, каждый из двух дьяконов по 6 рублей денег, по 20 четвертей ржи, по 20 четвертей овса и по 6 пудов соли, да пономарь с проскурницей по 1 рублю денег, по 12 четвертей ржи, по 12 четвертей овса и по 3 пуда соли; кроме того на монастырь для служб отпускалось 15 четвертей пшеницы и 3 пуда соли „на проскуры“, 10 пудов меду и

1) Собран. гос. грам. и актов т. I № 122.

2) А. А. Э. т. I № 155.

3) Акты. Ар. Эк. т. I № 155.

5 пудов воску, а всего по нашему подсчету в монастырь в общей сумме поступало ренты: 122 рубля деньгами, 692 четверти ржи, 692 четверти овса, 199 пудов соли, 15 четвертей пшеницы, 10 пудов меда и 5 пудов воску.

На первый взгляд как будто все дело сводится к обычной милостыне Великого князя данному монастырю.

В самом деле, если считать % гривна с рубля, то в годовых % капитал принесет 212 рублей, и следовательно продуктовая масса, отпускаемая из казны в виде хлебных запасов разного рода, оценивается только в 100 рублей, или даже несколько меньше.

Но все-же никакой тут милостыни нет. В Московской Руси, в 1500 году, говорит Святловский: „четверть овса стоила около 7 коп., а четверть пшеницы около 9, 3 копеек“. ¹⁾ Стоимость отпущенных монастырю продуктов действительно не превышало 100 рублей.

Спрашивается только, была ли выгодна эта сделка князю. Безусловно выгодна. В приведенном документе Московский Князь выступает, как представитель капитала и действует в интересах того капитала.

Прежде всего уже замена чистых денег продуктами, княжеским товаром с княжеских складов, дело всегда прибыльное и очень часто практикуется нашими деревенскими торговцами—кулаками.

Затем самый % указан для расчета с монастырем отнюдь не для ссудной практики.

Ссудный % того времени был гораздо выше: „шестой на пять“ т. е. 20%.

Затем ссудный % был не годовой, а сезонный, что увеличивало движение капитала в росте.

И в результате Великий Князь получал ту же сумму, что и монастырь, если еще не более.

Мы привели пример капитализации ренты и вместе с тем крупной ссудной сделки.

Мы не знаем, как отдавали деньги в росты чиновники Великого Князя и полагаем, что теми же способами, как и монастыри.

Ссудная же практика последних составила нам богатый материал в виде заемных, закладных и кабальных, при чем клиентами монастырей является положительно все население, начиная от князей удельных и кончая крестьянами.

Князья и лица высших сословий занимают более или менее крупные суммы, крестьяне—по мелочам.

Каждая сумма, данная в ссуду, обеспечивается залогом. Залогом служит движимое и недвижимое имущество, при чем последнее переходит во временное пользование кредитора.

В заемных и кабальных писались ссуды и указывался % роста.

Вот типичный документ—заемная Якима Перфирьева и Ярыги Дмитриева.

„Се яз Яким Перфильев сын да яз Ярыга Дмитриев сын, дер. Никитина заняли ясьма у старца Ионы монастырского хлеба доброго, ржи четыре четверти, с Генваря 11 да до Семена дни, без насоп, а поляжет хлеб по сроце, ино дать на пять шестая; а где ея кабала застанет, тут по ней и правез“. ²⁾

1) Святловский. Конспект лекций по полит экон. стр.

2) Юрид. Акты № 245.

Залогом большей частью служила земля закладчика.

Тогда в закладной обычно упоминалось использование заложенной земли за %.

„Се яз Мишка Истомин, сын Андреева, занял есьми у монастырского слуги у Кирилловского у Мити у Роботы у Яковлева сына, десять рублей казенных денег монастырских от третие недели по Пасце да до того же дни, на год; а в тех есьми ему деньгах заложил свою пожну, на реке Вологде (далее указывается межа пожни), а на те деньги Мите Роботе та пожня за росты косити“.¹⁾

Или вот еще более солидный документ—заемная закладная Князя Василия Пропского, в трехстах рублях.

Князь занял у Кирилловского старца Никодима из монастырской казны упомянутую сумму под залог своих имений в Пошехонском уезде. „И старцем Кириллова монастыря по том ж за рост вперед владеть селом и деревнями и починки и крестьяны“.²⁾

Сказанного достаточно для характеристики деятельности крупного капитала.

Крупный капитал того времени переживает стадию первичного накопления. Накопление же, как мы видим, идет самым примитивным способом, путем кулаческой и ростовщической практики.

В этой стадии крупный капитал, как мы уже отметили, не создает заметных новых отношений. Его кулаческая, ростовщическая форма крепко прицепляет к существующим отношениям к местному населению, к земле.

Поэтому, с одной стороны княжеский и монастырский капитал мобилизуют земельную собственность, как главное богатство того времени, и тем самым видоизменяет создавшиеся и устойчивые до сего времени феодальные отношения, с другой стороны избыток сил этого капитала толкает его и на широкую торговую дорогу, но здесь связь его с землей ограничивает инициативу и размах действия и создает лишь первичную кулаческо-ростовщическую форму капитала.

Поэтому в 15 веке мы еще не видим свободного торгового капитала крупных размеров, предприимчивого и энергичного, не видим в сущности и господина рынка.

Этот капитал вырастает несколько позднее и, как кажется, источник его не монастырское и княжеское накопление, а мелкая торговля.

Мелкая торговля того времени—явление другого порядка, чем крупные и монастырские капиталы, это явление враждебное монастырскому накоплению.

Отзвуки начинающейся борьбы между крупным и мелким капиталом, чисто торговым и торгово-земельным, мы находим в запрещениях ездить городским торговцам торговать на монастырских праздниках. Так запрещено было в 1533 году Белозерцам торговым людям приезжать с торгом в Успеньев и Кириллов день в Кирилловский монастырь.

Мотив запрещения будто бы: „а привозите с собою питье да напився пьяни сами меж себя бейтесе и монастырских людей бьете, а монастырю в том великое безчинье“.³⁾

1) Юрид. Акты № 237.

2) Юрид. Акты № 241.

3) А. А. Э. № 177.

Но мы сомневаемся в правильности мотивации, так как распоряжение следует не о запрещении пьянства или торговли спиртными напитками, а о запрещении вообще, торговли в монастырском районе.

„И как и Вам моя ся грамота придет, и Вы б в Кириллов монастырь на которой праздник торговати не ездили ни с каким торгом“. ¹⁾

А далее тоже грамота допускает такое выражение, которое нас более всего убеждает, что монастырь путем административного распоряжения просто избавляется от конкурента.

„А приказал есми того беречи Белозерским городовым прикащиком Федку Гневошеву да Ивашку Губину да целовальником Сидору Курагову с товарищи, чтоб однолично у Кириллова монастыря не торговал никто никаким товаром“. ²⁾

Все же, конкуренция между городской и посадской мелочной торговлей и монастырской, в силу своеобразия и замкнутости местного рынка, а так же разделения сфер влияния, не носит резко выраженного характера. Острые углы ея показываются к концу 16-го века, когда окончательно выделяется и формируется торговый класс Руси.

Наши будущие Минины и торговое сословие времен смуты должно было пройти столетнюю школу, чтобы выявить себя, как класс, с ясно выраженной классовой психологией и своей политической платформой.

В конце же 15-го и в начале 16 века в наших краях этот класс начинает лишь формироваться: мы имеем для того времени неясные указания на усиление значения городского и посадского населения.

Выше мы и приводили пример из Белоз. таможенных относительно права торговли. В первой грамоте говорится о городских людях и посадских Белозерцах, что им можно ездить торговать за озеро. Во второй грамоте говорится просто о Белозерских посадских людях.

Мы здесь усматриваем рост посада, его слияние с городом, его усилившееся значение и превращение города в посад и посада в город.

Такое положение значило, что посадское торговое население является хозяином города, что все административные и служебные должности находятся или под его контролем или в его ведении: другими словами, когда контингент городской и уездной администрации вербуются из горожан, или из „добрых горожан“.

Мы знаем, что такое положение вещей постепенно создавалось к концу 16-го и к началу 17-го века. Следовательно мы вправе истолковать приведенное выше место из Белозерской таможенной в смысле обозначения роста.

Ближе познакомимся, что представляет из себя мелкий торговец, как фактор развития рынка.

Для правильного уяснения отношений того времени нужно принять во внимание, что термин купец тогда употреблялось в смысле покупателя, а не продавца.

Продающий товары назывался продавцем, а не купцом и не торговцом. По крайней мере грамота употребляет эти выражения в указанном нами смысле, когда дело идет о штрафе: „а что будет у них товару, у купца или у продавца, и тот товар емлют у них таможенники“. ³⁾

1) А. А. Э. № 177.

3) А. А. Э. т. I № 134, 230.

2) Ак. Ар. Эк. № 177.

Просматривая перечень таможенных пошлин с товаров, мы можем сделать одно заключение: мелкий торговец выбрасывал на рынок сравнительно незначительное по стоимости количество товаров.

Весь привезенный товар на саях и на судах обычно оценивается на рубль и на два.

„А всем торговцом (перечисляется каким) являти таможенником товар свой, не складывая с воза и с судна товар свой.

„А будет того товару на два рубля или полко нибудь боле двух рублей“. ¹⁾

Таможенная грамота обычно фиксирует рубль или два, и не потому, что считать наши предки не умели, и потому, что обычная норма привоза мелкого торговца была в среднем два рубля.

Но не надо думать, что это слишком мало. Мы можем привести один пример из той же таможенной, который несколько уяснит нам покупательную силу рубля:

„А кто купит лошадь в рубль, или меньше рубля, и им имати у того с лошади, от пятна, по деньге“. ²⁾

Значит, перевода на наши деньги (разумеется довоенные) стоимость рубля, мы получим в среднем 60—100 рублей, хотя точно определить покупательную силу рубля в настоящее время крайне трудно.

Надо полагать, что покупательная сила рубля менялась в зависимости от рынка. На больших центральных рынках, как Москва, Новгород, Псков—она была меньше, в нашем крае несколько больше.

Если бы таможенное обложение было одинаково с разноценных товаров, то для конца 15 столетия мы имеем следующие соотношения: для мясных товаров: 1 стяг мяса=10 полотям мяса=30 поросытам=20 гусям=10 баранам=20 зайцам.

Для тех же товаров в 1551 году устанавливается тоже соотношение, а именно:

„А десять полоть мяса=стяг мяса, десять баранов стяг же мяса, двадцать утят стяг же мяса, тридцать поросят стяг же мяса, двадцать гусей стяг же мяса, тридцать тетеревей стяг же мяса, тридцать сыров стяг же мяса, тысяча яиц стяг же мяса“. ³⁾

С перечисленных товаров ималось таможенного сбора по полуденьге.

Но по полуденьге же ималось со следующих товаров: мех, рогозина, пошев соли, бочки рыбы, кади рыбы и бочки сельдей.

Ясно дело, что размер таможенного сбора не есть показатель соотношения цен различных товаров.

Еще меньше можно полагаться на показание второго базарного налога—померное. Он собирался с сыпных товаров, которые должны были обязательно промеряны таможенной четвертью Московской.

„А померное имати со пшеницы, и со ржи, и с ячменя, и с солоду, и с конопель, и с гречи, и с гороху, и с заспы, и с толокна, и с репы и со всякого жити, и с хмелю; також и с рыбы сухие, и с вандышев с хохолков, имати им с продавца четырех четвертей деньга“. ⁴⁾ Берется померная не с цены товара, а за пользование казенной мерой при продаже.

1) А. А. Э. т. I № 230.

2) Там-же.

3) Там-же.

4) А. А. Э. т. I № 230.

Одним словом по таможенной и померной пошлине мы не можем определять цен товаров, а отсюда не можем вывести и покупательную силу рубля.

Соотносительные цены, видимо, устанавливались не для всей массы товаров, а для отдельных товарных групп. Но опять же показателем соотношения здесь будет не сама (та или иная, но нам не известная) цена товара, а сбор с него.

Вот, например, сбор с меховых товаров на гостинном дворе, который назывался: „поворотным“.

„А дворовая пошлина на гостинных дворах таможником имати: кто приедет приезжий человек или Белозерец, товару купити какого нибуди, на гостинном дворе, и дворники емлют поворотного с тысячи белки Шувайские или Устюженские по четыре деньги с тысячи, а с Кляземской белки с тысячи по две деньги, а со сорока соболей емлют по расчету по тому ж, как и с белки Шувайские; а с куницы емлют с сорока по деньге, а с десяти бобров емлют по расчету по тому ж, как и тысячи емлют с белки Шувайские“. ¹⁾

Для текстильных товаров поворотный сбор устанавливается сукнам; сукна же измерялись поставами, или кусками по нашему.

„А сукна с постава, с Инского или Лунского с добрых емлют с постава три деньги; а с Новогонского емлют с постава или с Трекунского по деньге“. „А с иного товара“ (текстильного) „емлют по расчету по тому-ж, как емлют с сукна постава с Новогонского“. ²⁾

Перечень товаров во второй таможенной значительно больше, чем в первой.

В первой таможенной мы нашли лишь продукты местного производства и соль. Во второй же помимо перечисленных нами товаров упоминаются: сливы продающиеся кадушками, бумага.

Затем ассортименты товаров разнообразнее, что мы и наблюдаем в отношении рыбы. В числе рыбных товаров упоминаются сущь, моло, просто сухая рыба, вандыши и хохолки.

Ассортимент мясных товаров также значительно разнообразнее во второй таможенной, чем в первой.

И что особенно показательно для развития торговли в нашем крае—разнообразие привозных товаров.

Но весь этот товар, за исключением некоторых привозных, складывавшихся на гостинных дворах, собирался на Белозерском рынке микроскопическими дозами, партиями на 1 рубль, на 2 не более, что мог привезти мелкий торговец.

Можно приблизительно определить емкость Белозерского рынка, его товарный оборот, но подсчитать, разумеется, грубо-приблизительно.

Вот данные для подсчета—в среднем можно полагать таможенный сбор равен одной деньге с рубля. Откупная же стоимость всего сбора в 1497 году определена в 120 рублей, следовательно, всю массу товаров можно оценить приблизительно ($216 \times 120 = 25920$ рублей) по Новгородской валюте и вдвое больше по Московской; перевод на наши деньги дает 2592000 руб., если считать, что рубль того времени равен нашим 100 рублям.

1) А. А. Э. т. I № 230.

2) Там-же.

Отсюда мы можем сделать определенный вывод, что, как экономическая категория, мелкий торговец того времени становится значительным фактором. Естественно, что для него для самого становятся узки и тесны рамки феодального протекционизма, он стремится их раздвинуть, а раздвигая границы местного рынка мелкая торговля рвет и феодальные отношения, обуславливающие рыночный протекционизм. Нет ничего удивительного в том, что первые конфликты, выражаются крайне грубо, хотя бы в избиении представителей феодальной власти, т. е. наших княжьих богомольцев и слуг их.

Несмотря на всевозможные льготы, прикрепленный к земле монастырский капитал не мог в конце концов конкурировать с торговым капиталом, который видимо развивался быстрее, чем первый. А к середине 16 века, видимо и оптовая торговля некоторыми товарами, например солью, начала понемногу сосредотачиваться в руках предприимчивых Белозерцев городских и посадских людей, которые покупают соль уже не на лавку, а для широкой торговли.

Вот любопытный документ, характеризующий предприимчивость торговца, и пожалуй, его возрастающее значение.

„От великого князя вся России, в Каргополь, наместнику нашему князю Петру Михайловичу Щенятьеву, или кто по нем иной наместник наш в Каргополе будет“.

„Били нам челом Белозерцы, Олферко Онисимов сын Коровина, да Занька Семенов сын Кровцев, да Оксенко Матфеев сын Пан, да Клишко Давыдов сын Мяздрина, да Тихонко Васильев сын Варанинов, и во всех место Белозерцов городских и посадских людей, и монастырских Кириллова монастыря и Ферапонтова, а сказывают: что де Каргопольцы, и Онежане, и Турчасовцы, и Порожане, и Устьмошане, и Мехрежане, ездят к морю соли купити, да купив де у моря соль у Поморцев да возят ея в Турчасово и на Порог, лете в судах, а зиме на санях, да в Турчасове де и на Пороге ту соль бьют у них в рогожи казаки, да подсыпают де в ту кардеху пуда по два, и по три и больше в рогозину, да и сделав ту соль в рогожи да возят ея в Каргополь, да в Каргополе продают ее Белозерцам и Вологжаном и инородцем всех городов Московские земли, а кардехи де и не сказывают, а продают зачисто“.

„И Белозерцы и вологжане и иных городов люди, купив соль в Каргополе, возят ея в наши Московские города продавать, и в той соли, и в рогозинах, купцы находят кардеху пуда по два, и по три и больше во всякой рогозине, и в той де кардехе Белозерцем и иногородцем купцы чинят продажи и убытки великие, кто де что в которой рогозине сколько пуд кардехи вывесит и они де и денег уступают своих и солью, в кардехи место, довешивают, и в той де кардехе ныне у них промыслу нет, что или в той кардехе чинят продажу и убытки великие. А которую де соль возят с Двины двиняне, и в той де соли кардехи и подмеси никакого не живет“.¹

Документ любопытен в двух отношениях, а именно: он говорит нам о значении соляной торговли для Белозерцев, что нарушение интересов этой торговли фальсификацией товара больно бьет по карману торговцев.

Этим значением объясняется и Белозерская инициатива, в походе против фальсификаторов.

1) А. А. Э. т. I № 211.

Затем из документа видно, что Белозерцы ведут уже оптовую торговлю, делая крупные закупки соли, настолько крупные, что проследить фальсификацию товара до момента продажи нет возможности.

Значит Белозерский торговец, уже в начале 16 века начинает быть серьезным конкурентом княжеского и монастырских оптовиков, развозя свою соль и в иные города, кроме Белозерска.

Предприимчивость Белозерцев и их соседей Вологжан в области торговли вызывает неудовольствие жителей северных городов. Белозерцы проникают к морю, в корень самого производства соли, и своей конкуренцией наносят ущерб местной торговле. Требуется особая охрана местных торговцев поморян от конкуренции наших предков. И этой охраны поморяне добиваются от Московских властей. В уставной Онежской грамоте говорится о Белозерцах и Вологжане: „А кто к ним ездят на Онегу, к морю по соль, Белозерци и Вологжане, и у них де их промысл отымают: а яз им Белозерцов и Вологжан на Онегу, к морю, по соль пропускаши не велел, а велел им торговати с ними в Каргополе“. ¹⁾

Это запрещение последовало в начале 16-го столетия. Искусственно созданная монополия для поморской торговли вызвала ухудшение товарного продукта и приведенный нами выше протест Белозерци и Вологжане и потребовало нового вмешательства правительственной власти на этот раз в пользу потерпевших Белозерских и Вологодских купцов.

Московская власть в этот период времени сидит можно сказать на двух стульях: интересы развивающейся торговли требуют отмены внутреннего протекционизма и создания свободного торгового пути от Москвы до Белого моря, но сильные еще отношения феодального строя замыкают, вернее ограничивают местный рынок, требуются искусственные, паллиативные меры, чтобы удовлетворить разнородные элементы нарождающейся буржуазии. Отсюда учреждение городов смычки, как Каргополь по Онежскому и Холмогоры по Двинскому трактам. Иного положения и не могло быть: и там и здесь, и в Поморье, и на Белоозере орудуют посадские и городские люди, трудно распознать где будущая сила и кто полнее представляет собою нарождающийся торговый капитал, в ком именно сила, в Белозерцах или Поморянах, поэтому Московская власть одинаково стремится угодить и тем и другим. Стремление же угодить, защитить торгового человека становится все заметнее и заметнее в начале 16-го века.

И так в начале 16 века и на территории нашего края, как и во всей Московии, родилась наша отечественная, и для нас Череповецкая буржуазия, мелкая правда, но цепкая и бойкая, ясно обозначилась и характерная особенность русской буржуазии—ее контакт с правительственной властью.

О том, как изменялась жизнь края с появлением нового класса населения—мы проследим в следующем очерке.

---

1) А. А. Э. т. I № 181.

[200f]

